

Страна Эрцель

Дан Берг

18+

Дан Берг Страна Эрцель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63118062

SelfPub; 2020

Аннотация

Страна Эрцель легко узнаваема, хоть и нет на карте мира такого названия. Край этот на устах у многих, но немногим известны скрытые пружины его бытия. Глаз иноземного наблюдателя зрит лишь половину чудес. Повесть открывает читателю невидимую “обратную сторону Луны”.

Дан Берг

Страна Эрцель

Глава 1 Хорфландия

Диана и Алекс Фрид сидят рядом, плечо прижато к плечу. Ремни пристегнуты, и самолет набрал высоту. Сквозь иллюминатор видно, как заходит солнце, и небо темнеет. Назад пути нет.

Диана и Алекс сидят рядом, плечо прижато к плечу, и рука в руке. Молодоженами в кинозале так сиживали. Им по тридцать три. Пять лет, как женаты, детей не нажили. Позади внизу осталась огромная холодная страна Хорфландия, впереди внизу ждет маленькая теплая страна Эрцель.

– Эмигрируем, – молвит вполголоса Диана.

– Возвращаемся, – с серьезной миной на лице возражает Алекс.

Диана хорфландка, а Алекс – эрц. Возможно, потому и судят по-разному об одном и том же. Обычно не бывает абсолютно верных или неверных суждений.

Алекс столичный житель, Диана росла в глубинке. С детства отличалась бойкостью нрава и способностью к учению. Окончив школу, оставила дома отца с матерью и младших брата и сестру и явилась в столицу “получать образование”, как солидно заметил ее родитель. Приехала – ни родных, ни своих. Но не робела и не скучала. Быстро обросла друзья-

ми и знакомыми. Университет, молодость, свобода. Выучилась на журналистку и “уверенно начала трудовой путь”. Сочиненный ею роман напечатали необыкновенно быстро и с хвалебным предисловием. Упоительно сладко было дарить экземпляры с автографами.

Алекс пошел инженерной тропой по родительским стопам. Парень тихий и неприметный. Познакомился с Дианой на одном из хмельных пиров, которыми неустанно и неистово тешат себя жители Хорфландии. И Диана влюбилась, и потеряла голову, и через полгода “создала семью” – по выражению отца-провинциала.

Сонм многочисленных друзей в лад дивился: “Что нашла в нем?” Бывшие близкие друзья отказывались понимать и сочувствовали счастливой новобрачной, не предполагая в неблистательном выскочке тех способностей, которыми сами они, несомненно, обладали и тайно и явно гордились, и теперь жалели принцессу, добровольно обрекшую себя на худшую долю.

Отец Дианы противился браку: “Жизненная ошибка – выходить за эрца!” Зато мать радовалась: “Эрцы – хорошие мужья. Не изменяют и не пьют”. Точка зрения у каждого своя, и потому весомая. Потом оказалось – мать права была наполовину. Родители жениха приветствовали счастливый случай, что пристроил их единственное чадо. По поводу же деликатного обстоятельства вздыхали про себя и меж собой, но на людях помалкивали о своей печали, как интеллигент-

ные хорфландские эрцы.

Итак, наполовину ошибалась мать Дианы. Зять пил чрезмерно, огорчая тещу, заставляя тестя стыдиться своей тайной радости, но, вопреки прогнозам, упрочая любовь и жалость супруги. “Диане завидует, а сам неуспешен”, “мезальянс”, “они чужие” – говорили добровольные аналитики супружеских душ, пытливо ища объяснение феномену пагубной страсти эрца. Кое-кто ждал крушения, надеясь и предвкушая.

Диана и Алекс причин не доискивались. Она не оправилась от любовного недуга, он верностью платил за верность.

Однако, годы шли, и их быстротечность пугала обоих. Лишь крутой поворот сулил перемены.

– Алекс, а не начать ли нам все сначала в стране Эрцель? – спросила как-то Диана.

Он давненько об этом думал, но, по обыкновению своему нерешительный, молчал и рад был, что предложила Диана.

– В отпуск поедем на разведку? – просияв, спросил Алекс.

– Нет, нет, никакой разведки, закрываем глаза – и в воду головой вниз! Вихрем собираемся и едем навсегда!

Алекс с радостью согласился. Надежда торопит. Подстрекаемые необъяснимой верой в перемены, с одним чемоданом на двоих молодые супруги ринулись в туман будущего.

Оказавшись прав, отец Дианы торжествовал: “Теряем дочь!” Мать плакала, целуя Диану и Алекса. “Звоните, пишите, приеду внука нянчить” – говорила, всхлипывая. По-

жилая чета инженеров Фрид держалась достойно, сдержанно. Времена диктуют взгляды. В седых головах – перемены и сумбур. Допускали, что последуют за молодыми. Однако, жизнь покажет. Молодость ищет счастья в новом, старость – в привычном.

В аэропорту и в самолете Алекс наблюдал за попутчиками. Занятие это отвлекало от дум, оттесняло тревогу, расслабляло даже. “С прежними привычками расслабления покончено навсегда, навсегда покончено!” – непрерывно и многократно, как мантру, повторял про себя Алекс простейшую эту мысль.

Вот многочисленное семейство, три поколения. Взрослые шумят больше детей. Главу клана различить не удастся. Разговор друг с другом ведут с помощью вопросов, жестов и многозначительной мимики. Очереди преодолевают легко и первыми. С “официальными лицами” говорят без волнения, как с равными, а то и чуть-чуть свысока. Всего желаемого достигают, а средства достижения привычно и умело укрыты от посторонних глаз. Заметно горды собой. “Это не столичные эрцы” – подумал Алекс. Их сленг и манеры пробуждали воспоминания о детстве, когда он ездил на каникулы к бабушке с дедушкой в большой южный приморский город.

Соседний спереди ряд кресел занимают антиподы южан. Не клан, а минимальная семья – мама, папа и девочка-подросток. Бесшумные и боязливые. Родители тихо переговари-

ваются, лица напряжены. Дочка сидит между ними, то смотрит в книгу, то мечтательно глядит вперед. Разговор взрослых ей не интересен.

В ряду слева расположилась пожилая чета. Старик передвигается с трудом, жена помогает ему. Оба глуховаты, говорят громко. Поэтому все вокруг знают, что в стране Эрцель их ждут дети и внуки. Звали их к себе давно, а они все не хотели покидать Хорфландию, “которой всю жизнь отдали”, но вот совсем стали слабы, и не видят теперь иного пути, и едут. Старик часто вздыхает. На морщинистом лбу и лице его отпечатываются и сменяют друг друга то тяжкие, то счастливые мысли, а жена ловит платком слезы, текущие из красных глаз его. На пиджаке блестят металлом и эмалью множество наград за войну и труд.

Диана не бодрствует и не спит. Непокой и надежда переменяются и путают мысли. “Отменно начала карьеру. Еще ступенька-другая по лестнице успеха – и потеряла бы Алекса. Меня по-медвежьи хвалят за мужской ум, дескать, умею видеть главное. Чем займусь в стране Эрцель? Язык – инструмент мастерства моего. Приедем – сразу примусь за эрцит, я способная. Разве на неродном языке душу выразишь? Жертвую всем. Глупости, никакой жертвы! Что за народ эти эрцы? О себе всерьез говорят, что они – вечный народ. Что это значит? Эрц перенесется во времени лет на двести назад и окажется среди своих – и станут говорить на вечном своем эрците, и не удивятся друг другу, словно вместе росли

и жили. Мистика и чепуха! Впрочем, мистика способна утешать, если не смеяться над ней. Вот, предчувствую, прежней жизни моей продолжения не будет. Я проживу две жизни. И вторая станет счастливее первой”.

Если талант предвидения будущего имеет природу генетическую, то Диана наделена им в той же мере, что и ее мать.

Полет окончен. Страна Эрцель, земля Эрцель. Пассажиры спускаются вниз. Ожидание предстоящего мешает Алексу примечать типы. Чувствует: созерцание некстати, скорее уместно приготовляться к действиям.

Великие числом темпераментные возвращенцы из приморского города и малочисленное безгласное семейство ведут себя предсказуемо. Удивил старик. Сойдя с трапа, он, тяжело сгибаясь, с великим трудом опустился на колени. Нагнулся вперед, и металл и эмаль наград коснулись бетона. Жена его смущена, тщетно пытается поднять экзальтированного супруга. “Святую землю целует!” – бросил кто-то насмешливо и мимоходом. Алекс поглядел на представление и скептически скривил рот. Диана, обычно колючая зубокалка, восторженно устала на старика. Поймав себя на неожиданной метаморфозе, подумала с привычной иронией: “Вторая жизнь начинается?”

Ночь провели в аэропорту в специальном зале ожидания, назначенном для пассажиров, которые из Хорфландии в страну Эрцель либо эмигрируют, либо возвращаются – каж-

дый по своему разумению. Непривычно доброжелательные “официальные лица” приглашают прибывших в отгороженные ширмами боксы. Вопросы задают на хорфландском языке, ответы переводят на эрцит и записывают в компьютер. На удивление быстро Диана и Алекс стали гражданами страны. Не меньше удивили громоздящиеся на столах вдоль стен живо поедаемые и вновь вырастающие горы бесплатных бутербродов всех видов и разновидностей. Закаленная иными нравами, публика жадно утоляла дорожный голод и кулинарное любопытство.

Такси везет Фридов в гостиницу. Другой воздух. Другая весна. Пальмы вдоль дороги. Мертвецкий сон с устатку. Через день наняли квартиру в большом городе Авиве. Неделя прошла в хлопотах. Благонамеренная и дружелюбная бюрократия страны Эрцель мобилизует дух, приветствует терпение и не одобряет скепсис. Алекс верен словам своей мантры: ведь пьянство – месть злой судьбе, а судьба, кажется, подобрела. Почти увлекся турбулентностью суеты, почти сравнялся с Дианой накалом веры в успех.

Начало мая в Авиве – славная пора. Еще не скоро навалится летняя духота, а зимней сырости уже нет. Зелень весной ярче, чем зимой, и свежее, чем летом. Вечером хорошо усесться в пластиковые кресла под деревом, упереть локти в подлокотники, радоваться, что дом стоит в отдалении от шумной и пыльной дороги, дышать свежестью и говорить о том, что будет завтра, через год, через десять лет. Молодые

супруги, довольные новым началом и озабоченные продолжением его, сидят за беседой в саду.

Стук в калитку. За низкой живой изгородью стоит молодой мужчина. Роста среднего, подстрижен коротко, одежда спортивная. В обтяжку белая майка с короткими рукавами подчеркивает мускулистую фигуру. Располагающая к доверию широкая улыбка на лице. Пришелец заговорил на языке, который когда-то давно служил жителям лишь одного единственного острова, но вековыми деяниями и заслугами островитян стал всеобщим, впитав мудрость мира. Диана живо подхватила разговор, а Алекс, не успевая ловить слова, померчал и сник.

– Здесь живут супруги Фрид?

– Да, проходите, – ответила Диана и впустила незнакомца.

– Мое имя – Гилад, – сказал гость и прошел в сад, – Я представитель добровольного общества безвозмездной помощи вновь прибывшим. Общество помогает людям найти свое место в стране.

– Мы рады! – воскликнула Диана, – Алекс, будь добр, усади гостя.

“Как он узнал о нас?” – думал Алекс, волоча третье кресло.

Гилад уселся и обласкал хозяев взором ясных добрых глаз. Приятная внешность и хорошие манеры возбуждают симпатию и подозрения.

– Дорогие Диана и Алекс, знаете, почему я выбрал имен-

но вас? Во-первых, все мы одних лет, а во-вторых, наши фамилии немного схожи. Я – Гилад Фальк! – сказал гость и разительно засмеялся, продолжая смотреть на хозяев, словно приглашая их присоединиться к веселью.

Глава 2 Авив и Бейт Шэм

– Ты устала рулить, Луиза. Доедем до деревни, отдохнем, потом я поведу машину.

– Пожалуй, Бернар.

– Райлика, стыдись! – не оборачиваясь, обратился Бернар к расположившейся на заднем сиденье дочери, – Когда, наконец, ты станешь возить своих стариков?

– Райлика берет уроки, – ответила Луиза вместо нее.

– Горой стоишь за свою любимицу, – заметил Бернар.

– И за твою тоже, – парировала Луиза.

– Слышу непедагогичные речи, – рассеянно подала голос Райлика.

Въехали в деревню. Родители вышли из машины, уселись на скамейку в тени и расположились на привал. Дочь осталась дремать внутри семейного автомобиля.

Луиза и Бернар Фальк, а с ними Райлика, держат путь из Авива, где они живут втроем, в отдаленное место Бейт Шэм – там поселился старший сын Фальков Хеврон с женой Косби и тремя ребятишками – мальчиком и двумя девочками. Внуку минуло десять, и бабушка с дедушкой везут подарок и поздравления. На торжество съезжается все семейство Фальков, то есть к хору пожеланий присоединят свои голоса два

других сына Луизы и Бернара – это Гилад и Тейман.

Бернар Фальк стар, ему более семидесяти. Он крепок и бодр, и не щадит сил на то, чтобы таковым казаться. Однако, комплиментов своей молоджавости не любит, подозревая в них знак лицемерия. Его трудно понять порой, и лишь жене ведомы страхи мужниной души.

Бернар выходец из страны Ашназ. Как начались там великие для эрцев бедствия, родители вместе с маленьким Бернаром беглецами покинули лучшую в мире родину эрцев и нашли естественное прибежище в стране Эрцель. Те из родни, кто не поверил в злую судьбу, сгорели в огне наступивших лет.

Спасение от смерти – не порука жизни. Бремя тягот среди своих посильно не всем, и вскоре юный Бернар осиротел. Отвоевав войну за независимость Эрцель, разошелся с товарищами и почувствовал, как одинок. На счастье, повстречал и полюбил Луизу и женился на ней, хоть она и моложе его на десять лет.

Луиза – местная уроженка. Тому пять веков, как древние ее предки, жившие в далеком краю, не пожелали принять веру его, и были изгнаны из него, и тоже утратили лучшую в мире родину эрцев, и спаслись в стране Эрцель. Семья ее хранит красивый и редкий ныне язык своих пращуров, и потому младшую дочь, любимицу и позднего последыша, Луиза и Бернар называли именем, что звучит на том языке – “Райлика”.

Окончив школу, Райлика исправно исполнила воинский долг и, вернувшись год назад под родительское крыло, уступила мольбам престарелых отца с матерью и не примкнула к боевым товаркам, пустившимся в опасный путь за тридевять земель к австралийным морям и крутым горам. Сидит дома, слушает советы, пробует разное.

Хеврон долго жил в стране за морем, там женился на Косби, там же родились погодки – сегодняшний виновник торжества и его младшая сестра. Заморское семейство вернулось в Эрцель, обосновалось в Бейт Шэме. Потом у Луизы и Бернара прибавилась еще одна внучка. Косби не слишком преуспела в эрците, и потому у детей в семье два родных языка. Хеврону за сорок, он детский врач, и многодетные семьи Бейт Шэма доставляют ему практику с утра до вечера и с вечера до утра.

Второй по старшинству сын Фальков – Гилад. Он появился на свет, а брат его – уж ученик в школе. Гилад живет по соседству с Хевроном. Он – достопримечательность Бейт Шэма: холост и завидный жених. Талант убеждать навел Гилада на страховой бизнес. Он открыл контору в Авиве, там проводит день, а ночевать возвращается в Бейт Шэм.

Тейман, младший из братьев, шестью годами опережает сестру. Нанимает квартиру в Авиве, учится в университете. Как и Гилад, он не женат, но не похож на брата: некрасноречив и замкнут.

Луиза и Бернар сидят на скамейке в тени, молчат, думают

О своем.

– Родители, пора! – донесся из машины голос Райлики.

– Пойдем, Луиза, и правда пора, – сказал Бернар, вставая и галантно протягивая руку супруге.

Бернар сел за руль. За окном замелькали встречные машины. Поля, деревни. Зелень слепит глаза. Дорога идет в гору. Райлика бросает фразу. Бернар не поддерживает разговор. Предаётся воспоминаниям. Любимая их тема – неудачная карьера. Порой упрекает себя, иной раз винит других. Друзья и бывшие сослуживцы достигли большего. Бывало, плакался Луизе, а у жены всегда один ответ: “Моя жизнь – муж, дети и дом, и я всем довольна! Разве мы не были счастливы?” Что возразить женщине? Кто забыл прежнее счастье – тот старик!

Сейчас, в старости, вернулось одиночество молодости. Когда женился – обрел друга-спутника, а породил сыновей – и не обрел их. Не длиной и не короткостью пути до родных душ измеряется одиночество. Бернар воспитывался в богобоязненной семье, и сам верует. И сыновья его религиозны. “До фанатизма, до безумия религиозны” – думает. Он вспоминает детство, страну Ашназ, рассказы отца и деда. Вера их была мирной и скромной в той стране в те времена. Святые книги извечно вплавляют в сердце всякого эрца сладостную мысль избранничества. Ашназские эрцы лелеяли эту мысль келейно и кротко, принаравливаясь к чужой вере и не в ущерб ей. “Мы хотели нести свет народам” – раз-

мышляет Бернар, – “А чего хотят Хеврон, Гилад, Тейман и иже с ними? Не просвещенного равенства, а царства и рабства им надобно! Самоубийцы!”

Бернар никогда не имел сколько-нибудь значительного влияния на сыновей. Вычитал где-то, мол, в семьях эмигрантов задавленные заботами и тревогами родители не успевают за детьми, а те, свободные от узды традиций, радостно идут навстречу чужим кумирам. И хоть сказано это о нем не вполне, а лишь частью, он утешался неизбежностью.

Машина миновала границу – серую линию, не отмеченную чертой на асфальте и не обозначенную оградой в поле. Серая линия словно висит в воздухе, незримая, но неизбежная. За ней живет один из народов – геры. По разумению сыновей Бернара – худший из народов, обживший исконную землю эрцев. Молодые Фальки убеждены, что геров следует непременно изгнать, и нет для святой цели негодных путей. В одном важном пункте единодушны многие эрцы и многие геры – не хотят серую линию, а хотят всю землю себе. Нечеткая граница не разграничивает, и стороны не могут с нею мириться. “Их слишком много, единодушных. Безднажно много!” – думает Бернар.

Пейзаж в окне меняет цвет с зеленого на желтый. Меньше возделанных полей, больше выгоревшей травы на холмах.

– Бернар, я так боюсь за Гилада! Каждую ночь он едет этой дорогой среди ненавидящих глаз!

– Он вооружен, Луиза. Метко стреляет и отлично водит машину, – ответил Бернар.

– Этим ты утешаешь мать?

– Я больше боюсь за Теймана, – вместо ответа заметил Бернар, – Как бы не бросил университет. Он погрузился в святое писание. У него мистика на уме: не расстается с книгой баккары.

– Ой, мне есть, что добавить о Теймане! Обещайте, что не выдадите меня. Он упрашивал меня молчать, но не молчитесь! – воскликнула Райлика.

– Не молчитесь, значит, расскажешь и так, без обещания – бросил Бернар.

– Не расскажу.

– Обещаем, – за двоих сказала Луиза.

– Я видела Теймана с девушкой! Они о чем-то беседовали, а он смотрел на нее с умилением. У нее коса, как мышинный хвост. Если я себе заплету – выйдет втрое толще. Они распрощались, я подошла к нему и говорю: “Поздравляю!” Он покраснел, потом забубнил, дескать, держи язык за зубами, не тревожь родителей!

– Слава богу! Есть надежда на перемены, – сказала Луиза.

– Мне показалось, что девица из той же когорты, что и ее обожатель, – уныло заметила Райлика.

– Так я и знал, – буркнул Бернар.

– Бернар, прошу, оставь свое обыкновение спорить с нашими чадами. Не задирайся, – просит Луиза.

– Постараюсь.

– Мы едем к внукам. Не хочу полемик.

– И я не хочу. Мы едем к внукам.

Показался Бейт Шэм. Дома не выше трех этажей. Красные черепичные крыши. Яркая зелень вокруг домов. Над красным и зеленым висит голубое небо. Солнце трудится всю. Жарко. Место выглядит благополучным возделанным островком среди волн безлюдных желтых холмов. Яркое на тусклом блестит хорошо. Ограда вокруг поселка. Улыбающийся охранник открывает ворота: милости просим, знаем и ждем!

Бернар подрулил к знакомому двухэтажному дому. Внуки летят навстречу. Бросаются на шею к бабушке и к дедушке. Почти не взглянув на подарок и не дослушав церемонные поздравления, герой дня вместе с младшими сестрами убегает на задний двор продолжать прерванную игру. Луиза не показывает, что обижена недостатком внимания к подарку, который любовно выбирала.

За детьми выступают Хеврон и Косби, а за ними – Гилад и прикативший из Авива вперед родителей Тейман. Совершается ритуальный обмен объятиями и поцелуями. Бернар всегда дивится в душе, как горячо и неформально исполняет этот обряд Луиза. Как принято в Бейт Шэме, молодые мужчины одеты в клетчатые рубашки и обуты в сандалии на босу ногу. “Пионеры и землепроходцы” – думает Бернар.

– Какой чистый воздух у вас! – восклицает Луиза.

– Здесь тяжело дышится, – возражает Бернар.

– Это с непривычки, папа. Бейт Шэм на высоте, а Авив – на море. Я дважды в день меняю климат, – сказал Гилад.

– Пройдемте в дом, – пригласил Хеврон.

Почти весь первый этаж занимает огромная гостиная и прилегающая к ней кухня. Кондиционер спасает от жары. Расселись. Хеврон, который видит родителей реже братьев, занял место поближе к отцу с матерью. Косби расположилась тут же.

– Как здоровье, папа? Как ты, мама? – участливо спросил Хеврон.

– Слава богу, мы в порядке, – ответил Бернар.

– Спасибо, сынок, все хорошо, сказала Луиза, с нежностью глядя на сына. Она перевела взгляд на Косби, подумала: “Ей повезло. Хеврон такой преданный, такой верный! Похудел, трудится без отдыха”.

– У Хеврона много работы, а дом на мне, – словно прочитав мысли Луизы, сказала Косби. Не надеясь преодолеть акцент, она говорила на эрците просто и коротко, стараясь избегать ошибок.

– Все дети любят Хеврона, не боятся его, – продолжила Косби.

– Пожалуй, верно, дети любят меня. Главное, однако, я их люблю. Нельзя быть детским врачом, не любя детей.

– Ты лечишь детей герцов тоже? – поинтересовался Бернар.

– Разумеется, папа. Я лечу и люблю всех детей и не делаю

различия.

– Твои жрецы одобряют? – спросил Бернар?

– Бернар! – воскликнула Луиза.

– Молчу.

– Это не опасно, сынок, ездить в деревни к герам?

– Я стал врачом в заморской стране и там же клялся лечить всех. Геры не причинят мне вреда – я лечу их детей.

Будь спокойна, мама.

В другом конце гостиной сидели кружком бесспружные отпрыски Фальков. Тейман то и дело украдкой и вопросительно поглядывал на сестру. Та с безукоризненно честным лицом не замечала этих взглядов.

– Райлика, ты слишком поспешно ушла из моей конторы. У меня живое дело, прекрасная практика. Тебе близко к дому. Окончишь университет, а там – господь велик – станем работать вместе, – сказал Гилад.

– Страхование – нечестный бизнес.

– Ты судишь, не поняв.

– Я слышала твои трели. Ты не говоришь людям всю правду.

– Идеалистка!

– Возражение не по существу!

– Bravo, Райлика! – вступил в разговор Тейман. Он польстил сестре, надеясь получить знак, что тайна его блюдет-ся.

– Я зачитываюсь книгой баккары. Мне удивительные ве-

щи открываются! – продолжил Тейман.

– Я с радостью поговорю об этом позднее, Тейман. Не будем нагонять скуку на Райлику. Пусть лучше сестрица поведает нам, чем думает заняться.

– Мне предложили работу в газете, помощницей секретаря в редакционном отделе.

– В какой газете? – почти одновременно выкрикнули братья.

Райлика произнесла название, и ответ ее был встречен молчаливым осуждением.

Косби накормила детей. Была непреклонна, не уступив их мольбам отменить ради гостей дневной сон. Пообещала свекрови и свекру, что через час-полтора внуки будут в их полном распоряжении. Тем временем взрослые Фальки расселись вокруг стола и принялись поглощать обед и произносить тосты.

В дверь постучали. Вошел молодой мужчина. По одежде и обуви безошибочно угадывался житель Бейт Шэма.

– Познакомьтесь, это – Итро Окс, – Хеврон представил вошедшего родителям.

– Останешься с нами, Итро? – спросил Хеврон.

– Сейчас тороплюсь, зайду вечером. Возьму лишь у Гилада кое-какие бумаги, – ответил Итро.

Гилад подал Итро тонкую папку. Тот попрощался и вышел.

– Кто не знает Итро Окса, тот скоро услышит о нем. Он

становится все заметнее в нашей партии, – сказал Гилад.

– Кстати, Гилад, расскажи нам, есть ли всходы на миссионерской ниве? – спросил Бернар, опасливо оборотившись на супругу, которая была увлечена разговором с Косби и потому пропустила и оставила без последствий опасный вопрос.

– Отец, если ты имеешь в виду наше общество помощи вновь прибывшим, то мне действительно есть, что рассказать.

– Мы слушаем, – за всех ответил Бернар, осмелев.

– Среди новичков из Хорфландии встречается неплохой материал, – начал Гилад, – Я познакомился с интересной семейной парочкой, Диана и Алекс, люди моих лет. Она – журналистка и писательница, он – инженер.

– Похоже, в Хорфландии предписано законом обязательное университетское образование, – заметил Тейман.

– Уж год, как я занимаюсь с ними, не щадя времени, – продолжил Гилад, – Сначала приобщал этих безбожников к традициям, потом к вере, сейчас пытаюсь заинтересовать их нашими идеями.

– За морем я знавал хорфландских интеллигентных эрцев. Неисправимые атеисты, – перебил Хеврон.

– Мой случай – проблемный. Алекс эрц, а Диана – хорфландка! – воскликнул Гилад и этим заявлением целиком овладел вниманием женщин, – Они очень разные типы. Похоже, сильно любили друг друга...

– Что значит “любили”? А сейчас? – с неподдельным лю-

бопытством на лице азартно вторглась в разговор Райлика.

– Мне кажется, у них что-то надломилось. Они неодинаковых способностей. Я помог им найти временную работу. Алексу плохо даются языки. Ему было трудно понимать меня. Он примкнул к своим из Хорфландии. Некий хорфландский эрц, называющий себя профессором, завоевывает души легковверных земляков, преподнося им собственное толкование баккары и суля познание тайн мира. Баккара на хорфландском языке! Представляете? Алекс польстился на посулы.

– Эй, довольно про баккару! Про Диану рассказывай! – нетерпеливо перебивает Райлика.

– О, Диана! Она преуспела в эрците. Хоть и не эрца, а вникает в наши традиции до тонкостей. Ей интересны святые книги, она осаждает меня вопросами и готова бесконечно слушать мои объяснения.

– А ты готов бесконечно объяснять? – спросил Бернар.

– Как она выглядит? Опиши, – вступила в разговор Луиза.

– Разве это имеет значение? Среднего роста, стройная, волосы темные, ресницы длинные, глаза карие, за правым ухом родинка...

– Какие подробности! – ехидно заметила Райлика.

Гилад раздосадовался и удивился неожиданному своему простодушию. Решил исправить впечатление, не допустить неверную интерпретацию.

– Диана интересуется прозелитами, она хочет принять ве-

ру эрцев, она просит показать ей Бейт Шэм! – выпалил Гилад и, пытливо глядя на физиономии заинтересованных слушателей, вполне осознал, что последние его слова вряд ли что-то исправили, но скорее имели противоположное действие.

На несколько минут воцарилось молчание. Не преуспев в обороне, Гилад перешел в наступление.

– Отец, наше общество не занимается миссионерством, – заявил Гилад.

– А мне кажется, не следует говорить в ироническом тоне о наших жрецах, – добавил Тейман.

– Сыны мои! – высокопарно начал Бернар, не почувствовав, как под столом Луиза наступила ему на ногу, – Сыны мои, в стране Ашназ, где родился ваш отец, никому не приходило в голову упрекать эрцев в миссионерстве. И в мессианстве тоже! От отца и деда я знаю, с каким великим почтением говорили люди о просвещенных ашназских священниках, что не чета вашим жрецам! Известно: постройка постепенно ветшает, потом гибнет.

Бернар, взволнованный, сделал паузу, перевел дух. Он знает, что конец разговора старых с молодыми – взаимная презрительная жалость. Лицо Луизы напряжено. Лица Райлики и Косби поскучнели. Гилад и Тейман потупили глаза. Хеврон с осуждением смотрит на них. Он мог бы возразить отцу, но он не станет испытывать сердце старика. Бернар заметил укоризну в глазах старшего сына. Это успокоило его

и вселило дух миролюбия.

– Вы, молодые, торопите приход спасения эрцев. Вы желаете конца гонений и возврата величия. И я желаю этого. И дед, и прадед ваши мечтали о том же. Они знали от своих священников, что к спасению ведут гуманность и просвещение, а не война и кровь, как учат ваши жрецы. Гуманность – не привычка, а плод здравогомыслия, ей нет альтернативы. Известно ли вам, что существует Свиток, в котором начертан кратчайший путь к спасению? Завладеть Свитком и следовать его слову и духу – значит приблизить счастливый день.

– Разумеется, отец, мы слышали о Свитке, но не знаем где он, – сказал Хеврон.

– Я знаю. Я уверен. Свиток хранится в стране Ашназ. Его можно разыскать.

– Как это сделать, папа? – спросила Райлика, учуяв интригующий поворот беседы.

– Очень просто! Нам нужно перенестись в страну Ашназ на век-полтора назад. Там найдем Свиток и с ним вернемся. Зову всех с собой!

Сыновья Бернара переглянулись.

– Возможно ли это, отец? – изумился Тейман, – В наше отсутствие время потечет для нас в другом веке, а для оставшихся здесь оно продолжит свой обычный ход. Но ведь нет двух, а есть только один поток времени!

Хеврон и Гилад закивали головами, согласные с глубокомысленным замечанием Теймана.

– Вы забываете, сыны, что мы, эрцы, – вечный народ, – возразил Бернар, – Мы пребываем в мире, как бы вне времени. Эрц всегда и везде эрц. Сведи двух эрцев из разных веков, и общность уничтожит разницу, они сойдутся, как два соседа.

– Отлично придумано, папа! – воскликнула Райлика, сохраняя серьезное лицо, – Я видела в заморском кинофильме, как человек обнаружил на городском мосту проход, по которому он путешествовал во времени. Я готова к паломничеству за Свитком. Заноси меня в список!

– Молодец, дочка! А вы, сыны, не прячьте улыбки! Вы малoverы, хоть и фанатики, не сочтите за обиду. Жду твоего слова, Луиза!

– Ты ведь знаешь, Бернар, я всегда с тобой. Я пошью для нас тогдашнюю тамошнюю одежду. Нас примут за своих.

Дети пробудились от дневного сна, и бабушка с дедушкой заполучили обещанных внуков. Потом Луиза, Бернар и Райлика заторопились домой, чтоб еще засветло преодолеть путь от Бейт Шэма до серой линии. А вечером, как и обещал, явился Итро Окс и услышал вещь необычайную из уст братьев Фальк: как престарелый отец их вздумал испытать из чаши славы великого писателя, выдумавшего машину времени.

Глава 3 Газета

Как мир стара земля Эрцель, а страна Эрцель – молода.

Тысячелетиями жили люди в земле Эрцель. Жили до эрцев, жили вместе с эрцами, жили вместо эрцев. Пролива-

ли кровь и заключали мир, учились и поучали, пасли и сеяли, строили и разрушали, любили и предавали, рождались и умирали. Эрцы земли Эрцель создали для себя маленькую страну и назвали ее Эрцель, и не хотели терпеть подле себя малый народ геров. А те не хотели терпеть страну Эрцель и эрцев подле себя. С великой горячностью и страстностью ненавидят друг друга мельчайшие соседи. Серая линия разделяет два народа. У каждого из них есть его единственно истинная святая книга, которая, они твердо знают, вмещает всю правду и состоит из одной только правды.

“Как можно выше, чтоб всему миру зримо было, жрецы и вожди обоих народов возносят над головами святые книги – бесспорный довод правоты – и указуют на них перстами и провозглашают, что, вот, написано: это – наша земля! Книжки думают за своих невольников, да разве зеркало в помощь слепому? Книжки – что порох, и нет безвредных книг. И то горе, что и те, кто в оппозиции к жрецам пребывают, этот жреческий клик приемлют!” – так мыслит Бернар Фальк.

Пожалуй, старик сгущает краски. Нельзя забывать, что в стране Эрцель существуют две партии – Левая и Правая. В запальчивости Бернар не замечает Левую, адепты которой хотят мира с герами и почитают серую линию.

Правая партия жалуется, что, наперекор душевному влечению к ней эрцев, газеты ее не любят и настраивают народ в пользу Левой. А Левая партия твердит, мол, это враки.

Вот, в здании одной из авивских газет, в конце коридора,

в фойе, усадились в креслах двое. Напротив Райлики, новой помощницы секретаря, расположился Шай Толедано – один из редакторов, мужчина средних лет и строгих правил. Шай знаком с Итро Оксом и с Гиладом. Последний ходатайствовал за сестру, чтоб поберег ее от каверз, чинимых новичкам.

– Нравится тебе у нас, Райлика? – спросил Шай.

– Не скучно здесь. А что, Шай, разрешат мне отпуск?

– Через полгода работы? Попробую попросить за тебя.

– Спасибо, Шай.

– И зачем тебе понадобился отпуск сейчас?

– Да так, с родителями побыть... – замялась Райлика.

– Темнишь! Я знаю от Итро и от Гилада, какую штуку твой отец задумал. Собрались в путешествие в страну Ашназ, на полтора века назад. Хотите привезти Свиток.

– Что вы думаете обо всем этом, Шай?

– Ты знаешь, я – человек религиозный, и верю в вечность народа эрцев. Я полагаю, задуманное возможно, хоть и звучит невероятно. А ты что скажешь?

– Не знаю. Хочется новизны. Не отправилась в путешествие, уступила родителям. Теперь поеду с ними.

– Вернешься – расскажешь.

– Шай, пусть никто из наших не узнает о поездке. Засмеют.

– Разумеется, Райлика! И ты не проговорись. Если до Роны дойдет, что я верю небылицам, погибла моя репутация серьезного аналитика.

– Кто упоминает мое имя всеу? – воскликнула вошедшая Рона.

– О, Рона! А я как раз рассказываю Райлике о зачинателях нашей газеты, – не моргнув глазом, соврал Шай.

Рона Двир, дама солидных лет, высокого роста, энергичная и решительная, уселась в кресло. Она – ветеран, прама-терь новой авивской прессы. Рона – старший редактор, ее слово, как камень весомо и твердо, а авторитет незыблем.

– Какого мнения о нашей газете держится твоя юная подопечная? – спросила редактора старший редактор и при этом покосилась на Райлику. Взгляд Роны был строг, но голос выдавал доброту.

– Райлика считает, что у нас не скучно, – улыбаясь, ответил Шай.

– Девушка – сама проницательность. Более бесспорного суждения высказать не возможно.

Райлика смущена. Это похвала или насмешка?

– Ты молодец, девочка, ты всем нравишься, – подбодрила Райлику почтенная матрона.

– Сегодня мы ждем гостя, – продолжала Рона, обращаясь к Шаю, – Пожалует небезызвестный тебе Мики Парицки. В последнее время он дает все меньше оснований величать его гостем, – поколебавшись, заметила Рона и пристально уставилась на Шая, – Он зачистил. Что-то притягивает его. Сила всемирного тяготения действует на вашего брата! Впрочем, мы всегда рады ему и его статьям.

Шай сидел с замороженным лицом. Райлика ретировалась к себе.

– Пойдемте, господин Толедано, ко мне в кабинет. Встретим Мики достойно, – сказала Рона и подумала: “Где-то я слышала, что все мужики за сорок – конченные негодяи”.

– Пойдемте, госпожа Двир, – в тон ответил Шай, и оба удалились.

Шай Толедано и Мики Парицки больше, чем друзья – они боевые товарищи. Офицерами воевали вместе в особом воинстве, причислиться к коему стремятся лучшие, из которых лучшие удостоиваются чести. Не раз подставляли друг другу плечо, и за плечами у каждого немало лихих дел – утеха памяти. Навоевавшись досыта, отправили на чердак высокие тяжелые ботинки, выучились в университете, женились и породили детей – Шай двух девочек, а Мики – двух мальчиков.

Шай рос в семье, где блюдутся традиции веры. Мики воспитывался на безбожных идеях. Первый тяготеет к Правой партии, а второй, ясное дело, – клевой. И не просто тяготеет, но занял в ней важную позицию и делает карьеру, стремясь наверх. Помещает свои статьи в газете, где работает Шай. На бумаге они противники, а в жизни, как сказано, больше, чем друзья. Ибо, дойдя в противостоянии своем до крайней точки, обязательно вспоминают, что оба эрцы, и стрелы возвращаются в колчаны. Однако, это – не правило в стране Эрцель.

Рона Двир восседает во главе стола. По одну сторону расположился Шай, по другую – Мики.

– Я рада, господин Парицки, принимать вас в своем кабинете. Левая партия необыкновенно активизировала свою деятельность. Ваши статьи, Мики, украшают газету каждую неделю.

– Прошу не забывать, госпожа Двир, что писанина этого левака должна быть уравновешена моим аналитическим комментарием.

– Прошу не забывать, господин Толедано, что газета, в которой вы являетесь редактором, объективно отражает баланс общественных идей. Паранойя – коллективный диагноз “праваков”, выражаясь вашим языком.

Мики с видимым удовольствием слушал перепалку.

– Господин Парицки, будьте любезны, сотрите ехидную улыбку с физиономии и кратко представьте нам ваш последний опус.

– Госпожа Двир, господин Толедано! – с преувеличенной торжественностью начал Мики, – Как вам известно, в гуще народа страны Эрцель зреет готовность к миру с герами, нашими неизживными соседями. Из двух зол – уступить часть или потерять целое – эрцы научаются отдавать предпочтение злу меньшему. Усвоить сложную науку выбора помогает давление новой реальности, кладущей предел бессмысленным мечтаниям. Не стыдно подчиняться обстоятельствам, и примем неизбежность достойно!

Мики сделал паузу. Убедился, что, как и ожидал, лицо Роны выражает нетерпение, а лицо Шая – скепсис.

– Левые сделали открытие. Если открытие не находит применения, в нем нет ценности, – заметил Шай.

– Открытия остановить нельзя. Но они оскорбляют проворонивших новизну, и горе открывателям, – вставила слово Рона.

– Наша Левая партия, глаз и глас народа готовит лозунги к кампании выборов новых ста двадцати скрытых праведников, нашего с вами парламента. Моя статья будет первой публичной апробацией этих лозунгов. Мир с герами, серая линия, дьявольский контраст роскоши и нищеты – это темы статьи. Отмечается, что имеется некое малое число правых, которые почитают войну за высокое счастье, а добывать для себя это счастье шлют большое число левых. Подробности прочтете сами. Уверен, за нами пойдут заблуждающиеся сторонники Правой партии. Вот, что я принес на сей раз. Присоединяюсь к требованию господина Толедано о равновесии.

Иронию последнего замечания Рона оценила полуулыбкой.

– Благодарю вас за краткость сообщения, господин Парицки. Не сомневаюсь, что господин Толедано скрупулезно разберет текст и явит читателям несостоятельность фантазий “леваков”. Мики, оставьте материал, статья выйдет в свет в конце недели.

Шай и Мики вышли из кабинета Роны.

– Дружище, где ты спрячешь новенькую? – спросил Мики, ткнув Шая кулаком в бок.

– Она у себя.

– Пойду, выманю ее.

– Мики, в мире нет тайн. Рона объясняет твою литературную активность не теми причинами, что ты привел в ее кабинете. Гони беса прочь.

– Нет сил быть безгрешным.

– Не будь им. Ищи другую дорогу в ад, в стороне от Райлики.

– Твоя правильность наводит тоску.

– Расскажи о сыновьях.

– Ну, слушай.

Глава 4 Ашназ

Супруги Фальк и возлюбленная их дочь сидят в гостиной своей квартиры. Войди тут кто из знакомых, и был бы удивлен несказанно: дом превратился в театральные подмостки. Публика отсутствует, значит, это не представление, а репетиция. Причем, генеральная – ведь актеры-то в костюмах!

Да, семейство приготовилось в путь. Не решено, правда, каким видом транспорта предстоит воспользоваться, зато известны пункт назначения и приблизительный год прибытия. В центре комнаты составлены чемоданы. Главное содержание их – одежда. На Бернаре строгое черное одеяние. Рядом на столе лежат цилиндр и перчатки. Луиза и Райлика наряжены в длинные платья с кружевами, оборками, складками,

фестонами и прочими важными деталями. Рядом с цилиндром покоятся женские шляпы с лентами. Красота! Каждая мода хочет утвердиться навечно. Что против бывшего эстетизма нынешние функциональный примитивизм и эротический максимализм? Нищета прогресса!

Над созданием туалетов увлеченно трудились все трое. Поначалу Бернар высокомерничал. Мол, не в одеждах мудрость ума, а верность моде убавляет от свободы духа. Потом втянулся в коллективный труд. Он добывал материалы в литературных источниках, материалы из магазинов тканей доставляла Райлика, а умелые руки Луизы были заняты материализацией идей. Обсуждение моделей и примерки – общее дело.

– Мы, кажется, готовы. Что будет дальше, папа? Наши намерения никто не принимает всерьез.

– Ошибаешься, дочка! Принимают всерьез, да стесняются других и себя, потому и не подают виду. Все эрцы одним мирром мазаны. И твои Рона и Мики, безбожники, уголком сердца верят в избранность и вечность эрцев. А чудные эти свойства означают среди прочего, что сему народу дарована свыше привилегия покидать колесницу времени, неумолимо влекущую из прошлого в будущее все иные божьи творения, – высокопарно возразил Бернар.

– Теперь, как в старой сказке, мы должны закрыть глаза и открыть глаза? – прервала Луиза поток мужниного красноречия.

– Нам не нужен тайный проход на городском мосту и не требуется машина времени со скрипучими рычагами. Мы крепко верим, и этого довольно. Жизнь сильна верой, а чудеса – для сказки. Не станем закрывать и открывать глаза, а оглянемся вокруг себя.

Луиза и Райлика последовали призыву, повернули головы направо и налево. Они сидят в беседке в тихом городском саду. Напротив стоит элегантный Бернар, и на физиономии его сияет торжествующая улыбка.

Сколь неудержимо ликование Бернара, столь велико изумление Луизы и Райлики. Ибо вера в чудо не исключает удивление ему.

– Мы перенеслись в девятнадцатый век, в страну Ашназ, в славный город Уухен, – ответил Бернар на немой вопрос на лицах женщин, – Немного осмотримся и начнем искать пристанище.

– Почему именно Уухен? – спросила Райлика.

– По моим предположениям, в этом городе, или где-то поблизости, хранится Свиток. Я слышал рассказы отца и деда. Здесь, в Уухене, в то, а вернее в это время, взошли семена просвещения и гуманности – пути эрцев к спасению. Посему и Свиток спасения должен находиться здесь и сейчас.

Объяснив, великодушный Бернар предложил жене и дочери прогуляться вокруг сада и чуть-чуть удовлетворить любопытство, а сам добровольно остался сторожем при чемо-

данах.

Убедившись, что они одеты правильно и модно, и встречные прохожие не изучают их удивленными взглядами, успокоенные женщины вернулись в беседку.

Настала очередь Бернара производить рекогносцировку. Первым делом следует отыскать гостиницу, где останавливаются эрцы. А задать вопрос лучше всего своему, которого нужно распознать среди множества шназов. Бернар в затруднении. Прожившему жизнь среди своих нелегко найти своего среди чужих. Что есть в арсенале Бернара? Немного помнит с детства шназский язык, ну, и конечно при нем вечный эрцит, годный всегда и везде.

Торговая площадь. Прилавки с навесами. Кругом шназы. Осанка величественная, лица полны достоинства. Прошел человек с черной с проседью бородой и с виду не гордый. “Попытаю счастья” – подумал Бернар.

– Прошу прощения, господин, – обратился Бернар к бороде, – Я приезжий в Уухене, нуждаюсь в совете...

– Откуда вы? – нетерпеливым вопросом перебил горожанин. Одного быстрого искушенного взгляда ему хватило, чтобы сделать вероятное предположение в отношении Бернара.

– Я живу в святом месте, на земле...

– Эрцель! – закончил за Бернара соплеменник.

– Вы догадливы.

– “Святое место”, “земля” – ясно: это – Эрцель.

Борода бросил два-три приветственных слова на эрците и этим покори́л собеседника.

– Я с женой и дочкой. Они ждут в городском саду. Мне нужен адрес подходящей гостиницы.

– С какой целью пожаловали в Уухен, позвольте узнать?

– У нас важное дело к главе городской общины эрцев.

– Возвращайтесь в сад. Через четверть часа я пришлю за вами городскую карету. Вас отвезут туда, куда вам нужно.

С почти забытой, но милой сердцу Бернара шназской пунктуальностью, ни на минуту не задержав и не упредив своего прибытия, у ворот сада остановилась карета. Вне всякого сомнения, что семейный автомобиль Фальков передвигается не в пример быстрее и мягче, чем открытый конный экипаж, на скамьях которого расположились Бернар, Луиза и Райлика. Зато как красива старина! Кучер в цилиндре, стройные лошади, огромные колеса стучат по мостовой. Уухен весь в зелени. Старые деревья. Шназы говорят меж собой сравнительно негромко. На мостовых и тротуарах не видно мусора. Уши и глаза приезжих отмечают диковинное. Вдали виднеются башни замков, вблизи – остроконечные крыши домов и церквей.

Хозяин гостиницы, невысокий плотный эрц, назвавший себя Фердинандом, удовлетворенно опустил в карман бриллиантовое колечко, которое получил от Бернара, как плату за постой. Он показал Фалькам их скромные апартаменты. Бер-

нар выразил желание обедать не в общей трапезной, а у себя, и пригласил к обеду Фердинанда. За обедом, после свершения подобающего омовения и благословения, а также утоления первого голода, между участниками трапезы завязалась ознакомительная беседа.

– Дамам пришлась по вкусу наша простая шназская пища? – спросил на эрците хозяин гостиницы.

– О, да, господин Фердинанд. Очень вкусно, и сравнение в вашу пользу. Наша кулинарная изощренность, в конце концов, утомляет, – воодушевленно ответила Луиза.

Дочерний долг вежливости удержал Райлику от выражения иного мнения.

– Совершенно согласен с вами, госпожа Фальк. Кухня не должна занимать в сознании место храма. А вы у нас по торговым или по семейным делам, господин Фальк?

– Пожалуй, ни то и ни другое, господин Фердинанд, – ответил Бернар, – Я сказал вам, что мы прибыли из земли Эрцель, а теперь добавлю, что мы граждане страны Эрцель.

– Простите, я, кажется, не расслышал, вы граждане какой страны?

– Страны Эрцель.

– Но ведь такой страны нет!

– Есть, а вернее, будет, господин Фердинанд. Дело в том, что мы явились к вам из времени, на полтора века опережающего ваше время.

– О, это совсем другое дело! Теперь все разъясняется, все

просто и понятно. Я думаю, вам необходимо встретиться с главой нашей общины. Его зовут господин Вайс.

– Вы угадали мою мысль, господин Фердинанд. Не соблаговолите ли нам помочь в этом?

– С радостью. Я сам состою в правлении общины.

– Тем лучше. Вы своими ушами услышите наш подробный рассказ. Я надеюсь, господин Вайс не станет возражать против участия в беседе моей жены и дочери?

– Беспокойство излишне: господин Вайс человек передовых взглядов.

В дом к богатому торговцу, главе общины, съехались самые уважаемые, состоятельные и образованные уухенские эрцы, как гражданского рода занятий, так и духовного звания. Почетный форум встречает прибывших в Уухен соплеменников из будущей страны Эрцель. Среди собравшихся мужчин, людей солидного возраста, выделяется свежестью и красотой молодой

человек лет двадцати пяти. Либеральный дух собрания утверждается присутствием женщин. Господин Вайс усадил Луизу и Райлику рядом со своей женой и взрослыми незамужними дочерьми, разместив, однако, всех дам поодаль от мужских глаз и ушей.

Общество расположилось в зале. На небольшое возвышение у стены вошел глава общины. Роста господин Вайс невысокого, борода короткая и аккуратно подстрижена, вы-

ражение лица абсолютно любезное, глаза беспокойные, манеры, уверенные и свободные, выдают человека многоопытного и осторожного, которого провести никак нельзя.

– Любезные эрцы! Почтенные господа! Без вступления и лишних слов представляю вам наших неожиданных и негаданных, но бесценных и милых сердцу гостей – господина Бернара Фалька, его супругу Луизу и дочь Райлику, – лучезарно улыбаясь, произнес господин Вайс.

Бернар встал и поклонился во все стороны. То же сделали Луиза и Райлика.

– Нам не терпится услышать рассказ о стране Эрцель, которая возникнет через много лет, когда наше поколение уже уйдет из этого мира. И, разумеется, наша община проявит королевское гостеприимство и окажет всю возможную помощь дорогому семейству Фальков, – сказал господин Вайс и пригласил Бернара на возвышение.

– Любезные господа! Почтенные эрцы! Я буду говорить кратко, и я прошу вас: не стеснясь, перебивайте меня вопросами и поправляйте, ибо беседа плодотворнее монолога, – начал Бернар, – От вашего до нашего времени неслышанно много бедствий претерпел народ эрцев. В возмещение мук бог даровал нам шанс, и мы не упустили его и создали свою страну.

– Воспользуюсь разрешением господина Фалька и вставлю слово, – сказал сидевший неподалеку от оратора старый эрц, обладатель длинной, редкой и седой бороды и имеющий

репутацию консерватора, – Я полагаю, что господь не в утешение за страдания, но, избрав себе народ эрцев, дал ему страну – место под солнцем.

– Избранничество – это не столь патент на превосходство, сколь бремя и обязанность грешить меньше прочих народов и светить им в пути, высоко держа факел прогресса. Не потому ли, господин Фальк, терпят гонения эрцы, что миссию свою толкуют превратно и не исполняют вполне? – задал вопрос второй полемист, человек либерального направления мысли, много уступающий первому годами и длиной бороды.

– Господа, не будем злоупотреблять великодушием гостя. Пусть господин Фальк говорит без помех! – воскликнул глава общины.

– Благодарю вас, Господин Вайс! Я продолжу. Мы строили страну, но мира с соседями не знали, и это – наша боль. Нынче все больше граждан направляют взоры в сторону мира, но пока еще велика сила у превратно толкующих миссию – так, кажется, было сказано – и ищущих вдохновения в темных глубинах мистической баккары. Нам нужен Свиток. Умелые люди применяют его слово и укрепят сердца тех, чья вера в спасение через мир не тверда. Свиток принесет спасение.

– Господин Фальк считает, что баккара, толкующая о спасении, – помеха ему? – с сарказмом на устах вновь перебил рутинер.

– Обстоятельства страны Эрцель говорят в пользу разум-

ной умеренности и вопиют против старого фанатизма, – взвешенно, размеренно и холодно возразил его оппонент.

– Баккара не старый фанатизм, а нестареющее достояние народа! – парировал первый спорщик.

– Довольно, господа! Не для сего вечного диспута, а ради наших дорогих гостей мы собрались под этой крышей, – урезонивает идейных противников хозяин дома, – Прошу вас, господин Фальк, объясните, почему вы думаете, что Свиток находится в Ухене?

– Я ожидал этого вопроса, любезный господин Вайс. Как вам известно, мой род происходит из этих мест. От отца и деда я слышал, что в стране Ашназ, и в городе Ухене прежде всего, возникли и укрепились либеральные воззрения на спасение. Поскольку правоту этих воззрений подтвердила история страны Эрцель, то вполне разумно именно здесь искать Свиток спасения, не так ли, господин Вайс?

– Я восхищен вашей проницательностью, господин Фальк. Мы подробно обсудим с вами дело о Свитке, – сказал глава общины.

Последние слова хозяина дома были истолкованы, как сигнал к окончанию ассамблеи. Люди стали расходиться. Кроме Вайсов и Фальков остался упомянутый прежде красивый молодой человек.

Пока мужчины бились насмерть картонными мечами, Луиза и Райлика пребывали в обществе супруги и дочерей гос-

подина Вайса. Луиза с госпожой и девицами Вайс вели оживленный разговор на эрците, хотя недостаточные познания шназских дам в языке сужали тематику. Райлика не проронила ни слова. Она обратила внимание на молодого человека, а также обратила внимание на то, что и он обратил на нее внимание. Так они и сидели молчком в разных концах зала, перехватывая притворно случайные взгляды.

Райлика была обижена на девятнадцатый век, ибо в предпринятом хозяином дома размещении мужской и женской части публики усмотрела не прогрессивный либерализм, а мужской деспотизм. Новые идеи не скоро завоевывают наши симпатии, а у старых – шансы вообще иллюзорны. Чтобы занять время, Райлика, преодолевая здоровое женское равнодушие к идеологическим спорам мужчин, прислушивалась к шуму словесных волн в зале. Пока гости расходились, Бернар спросил дочь, что она думает о различных мнениях. Райлика ответила, что не усмотрела различий. “Все – она сделала ударение на слове “все”, пристально глядя на отца, – Почитают себя высшей кастой”. Выплеснув досаду, успокоилась.

Хозяин дома подвел молодого человека к Фалькам. “Разрешите представить вам, дорогие гости, моего помощника. Перед вами – Нимрод Ламм” – сказал господин Вайс. Юноша улыбнулся и поочередно поклонился каждому из Фальков, начав с Луизы и закончив Бернаром. Не упустив момента, Райлика смело оглядела Нимрода: высокий, широкопле-

чий, белокурый и белозубый, умные глаза, и улыбается приятно. Райлика заподозрила, что краснеет. “Вот еще глупости!” – подумала.

Ужин, в котором приняли участие Фальки, Вайсы и Нимрод Ламм, подтвердил репутацию незамысловатости шназской кухни. Господин Вайс, пренебрегая смущением Нимрода, горячо расхваливал последнего, рекомендовал его, как самого перспективного члена уухенской общины эрцев, подлинного сторонника либерализма, глубокого знатока эрцита и так далее и так далее. Достоинства от похвал расцветают, а без них – чахнут. Пока Райлика ловила каждое слово Вайса, Нимрод ловил движение каждого мускула на ее лице.

Покончив с панегириком, хозяин дома перешел к вопросу, более всего волновавшему Бернара.

– Господин Фальк! Я вновь и с удовольствием отдаю должное вашей проницательности, достижения которой – это следствие необычайной ясности ума. Вы не ошиблись в своем предположении относительно места нахождения Свитка. Он действительно хранится в Уухене.

– Благодарю вас, господин Вайс.

– Ваш краткий рассказ заставил думать, что Свиток, попади он в страну Эрцель, поможет принести спасение народу эрцев. Однако, нельзя исключать, что и в стране Ашназ Свиток может произвести такое же действие. Торопится грешно. Ведь мы редко до конца понимаем, чего мы в действительно-

сти хотим. Мы с вами принадлежим к одному народу, и оба радеем за него, и нам важно принять правильное решение. Ибо нет разницы для вечного и вездесущего народа эрцев, в какое время и в какой стране придет спасение. Главное, чтобы оно пришло! Не правда ли, господин Фальк?

– Настала очередь для похвалы в адрес вашей проницательности, господин Вайс!

– Благодарю. Поживите в Уухене и ближе познакомьтесь с нами, а мы надеемся побольше услышать от вас о стране Эрцель. Стол и дом, дорогие мои Фальки – за счет нашей общины!

– Это так неловко, господин Вайс! – возражая, дала согласие Луиза.

– О, не стоит беспокойства!

– Мы принимаем предложение, правда, дочь?

– Конечно, папа! – поспешила заверить Райлика.

– Дорогие мои гости! Поскольку я большую часть времени нахожусь в разъездах по купеческим делам, я бы хотел, чтобы вашим главным рассказчиком и слушателем стал Нимрод Ламм. Я доверяю Нимроду, как самому себе. Он завершает образование, пока не избрал себе карьеру и стоит на перепутье. Я думаю, с вашей помощью он будет рад заглянуть в будущее.

– Благодарю вас за доверие, господин Вайс! – взволнованно произнес Нимрод. Мысли его спутались в комок. Хотелось новизны. Кольнуло предчувствие перемен.

По женским лицам семейства Вайс пробежала тень.

“Он хорош собой и обходителен” – с материнским прищелком подумала Луиза и покосилась на дочь.

“Приставил к нам соглядатая, хитрец этакий!” – подумал Бернар.

Райлика ничего не подумала и лишь незаметно провела ладонью по щекам – не горят ли?

На протяжении месяца, что Фальки пребывали в стране Ашназ, Нимрод Ламм был их почти ежедневным гостем. С утра он приходил в гостиницу, и все общество отправлялось на прогулку по улицам и садам Уухена. Старшие шли впереди, а молодые отставали. Или наоборот. Нимрод обнаружил себя в высшей степени приятным собеседником. Бернар и Луиза готовы были бесконечно обмениваться с ним мыслями, Райлика и Нимрод хотели бы бесконечно болтать друг с другом. Если бы бесконечности можно было сравнивать по величине, то, несомненно, первую из двух Нимрод назвал бы слишком длинной, а вторую – слишком короткой.

Нимрод рассказывает о себе просто и скромно, Бернар и Луиза слушают жадно и сочувственно. Когда Нимрод сказал, что он сирота и один-одинешенек на белом свете – нет у него ни братьев, ни сестер, ни других родичей – глаза Луизы наполнились влагой, и она непроизвольным движением погладила его по руке. Матери он не знал, она умерла при родах. Младенцем был на руках у кормилицы. Отец, аптекарь, не

женился в другой раз.

Старший Ламм слыл человеком мечты. Его унесла волна идей просвещения, владевших умами образованных эрцев страны Ашназ. “Мы, эрцы, – факел и свет – сохраним нашу веру не в ущерб вере народов и станем шназами с душою эрцев” – так думал сам и так учил сына. Случилась война с соседней страной, и аптекарь, патриот страны Ашназ, рядовым солдатом вступил в войско. Геройством заслужил награду, но желание его стать младшим командиром не исполнилось, ибо негодно это, чтобы эрц командовал шназами. “Верноподданность худшего вида – это верноподданность искренняя” – подумал Бернар.

Когда Нимроду было пятнадцать, отец погиб в бою.

У преемственности один глаз на затылке, другой во лбу. Настоящее – росток прошлого, и сходство между ними облегчает созерцание будущего. Повзрослев, достойный сын-преемник продолжил добавлять строки в рукопись отцовских идеалов. Черную кляксу на белой бумаге можно аккуратно обойти. Небольшого наследства аптекаря и пособия от городской общины эрцев города Уухена юноше хватало на изучение наук и языков.

– Я задумал переложить святую книгу эрцев на шназский язык, – признался как-то Нимрод.

– Да ведь это уже давно сделано, мой мальчик! – возразил Бернар.

– О, господин Фальк, я знаю, как это сделать иначе!

– Помилуй, разве возможно сделать иначе?

– Я перестрою книгу, и она не станет более затемнять светлый лик эрца. Тенью укурю недостойное нас. И тогда народы полюбят эрцев, как мечтал о том мой отец!

– Мой мальчик, ты такой же мечтатель! – воскликнул Бернар и обнял Нимрода за плечи.

Бернар уже не называл Нимрода “соглядатаем”, но душевно полюбил его. Сравнительно быстро неповоротливый мужской ум Бернара сумел постичь простую практическую мысль Луизы в отношении желаемого развития семейных событий.

Взаимный интерес с первого взгляда – так можно назвать дух, вселившийся в головы Райлики и Нимрода, в тот день, что они впервые увидели друг друга в доме господина Вайса. Когда угля довольно, и есть ветерок, искра интереса непременно разгорится. А захочет судьба, и огонь души переселится из головы в сердце. Если встретились герои из разных веков, о топливе и тяге заботы нет. А для любви причины не нужны.

Часами бродят Райлика и Нимрод по улицам Уухена или за городом в поле. Славно летом в стране Ашназ. Зелено, светло, чисто. А в стране Эрцель – лучше. Звезды ярче, море шумит, сердца горячее. Так думает и говорит Райлика. У нее преимущество: она сравнивает. Нимрод скромно похвастал, что трудится над докторатом, и профессор им доволен.

Райлика похвалила друга за быстроту, с которой он, учась у нее, обогащает свой книжный эрцит блеском разговорного лексикона.

Райлике нравится изумлять Нимрода. Забавно наблюдать, как любознательный парень слушает, порой, не скрывая сомнения, а потом задает тысячу уточняющих вопросов. Рассказ об автомобилях и самолетах Нимрод переварил успешно, телевидение принял на веру, а с объяснением идеи компьютера Райлика потерпела неудачу. “Это оставим пока. Увидевши – пойму” – сказал Нимрод и бросил на Райлику короткий испытующий взгляд.

Ни одна история о технических чудесах не имела столь сильного действия, как невзначай брошенная Райликой фраза об армейской ее службе. “Девушка в армии!?” – поразился Нимрод. “Ну да, обычное у нас дело!” – ответила Райлика, не видя причины для великого удивления. Потом вспомнила, как господин Вайс рассадил мужчин и женщин в своем доме, и поняла, отчего дело это Нимроду обычным не показалось. В голове его вспыхнули тревожные вопросы, но на язык не соскользнули: спрашивать боязно, и ответ страшен. Господство предрассудков делает нас немыми. Райлика громко смеялась про себя. Долгое испуганное молчание потрясенного Нимрода заставило ее предположить, что жизненный опыт ее друга уступает ее собственному невеликому опыту. “Это вовсе не огорчительно” – подумала.

Дружба теплела с каждым днем и, кажется, стала на путь

трансформации в иное качество. Отношения развивались стремительно и продвинулись столь далеко, что молодые, гуляя по безлюдным аллеям, держались за руки. Значительный шаг в предсказуемом направлении был сделан в тот день, когда, церемонно и торжественно, Нимрод пригласил Райлику в театр. В городе Уухене приготовлена постановка оперы великого композитора страны Ашназ господина Рондера. По окончании спектакля перед публикой выступит любимец шназов сам господин Рондер. “Как здорово! Я кое-что слышала о Рондере”, – радостно воскликнула Райлика. “А сейчас ты услышишь его музыку и его самого!” – выпалил Нимрод, довольный, что и ему представился случай впечатлить. Нимрод пояснил, что, разумеется, господин и госпожа Фальк тоже приглашены. Райлика не была удивлена и смиренно благодарила от имени родителей.

Жители Уухена и окрестностей, нарядившись и напудрившись, дамы и господа, тянутся пестрым потоком к горящему огнями в темном небе зданию театра, дабы услышать новое сочинение великого шназа – гордость и славу страны Ашназ – композитора Рондера.

Слушатели расселись по местам. Первые ряды партера, ложи и бельэтаж заполнили звезды и эполеты, португеи и мундиры. Среди парадного блеска шназов то тут, то там чернели блеклые пятна подстриженных бород и скучных фраков просвещенных эрцев. Дамы обеих категорий публики были

равно хороши. Фальки и их молодой покровитель сидели в ложе.

На сцену взошел управляющий театром и потребовал тишины. Добившись ее, он объявил, что в зале, гордящимся лучшей в мире акустикой, – тут, как по команде, раздались, а потом также дружно стихли ликующие аплодисменты – в этом зале сегодня имеет быть оперный спектакль – сочинение композитора Рондера. Управление театра приготовило сюрприз: сам господин Рондер выступит перед публикой.

Воцарилась тишина. Потом откуда-то из глубины возникла прекрасная музыка. Взлетели чудные голоса и заполнили собой пространство. Слушатели старались придавать своим лицам выражение, адекватное событиям развертывающейся на сцене драмы. “Как жаль, что в нашей стране нет входа в этот дивный храм. Тяжелые камни истории завалили вход” – подумал Бернар. Райлика глядела на сцену и отмечала про себя: “А ведь мой Нимрод похож на белокурого богатыря со щитом и копьем!” Перевела быстрый взгляд с оригинала на копию: “Похож-то, похож, но мой ли?”

Быстро пролетело время четырехчасового спектакля. Музыка смолкла, занавес упал, публика трепетно ждет. И вот, свершилось. Из-за тяжелого плюшевого полотнища вышел господин Рондер. Крупная фигура, слегка лысоват, подбородок чуть скошен. Простотой одежды сходствует с обитателями галереи, а не лож. Смущенно улыбнулся, раскланялся. Глаза – сама доброта. Впервые видевшие его удивлялись,

как человек такого непритязательного и благодушного вида создает столь потрясающе мощные и непререкаемо великие творения. Знаящие его прежде говорили, что у человека с открытой душой и лицо открытое.

“Дамы и господа! Соотечественники! Сегодня вы слышали мое последнее сочинение, – начал говорить Рондер негромким мягким голосом, – И моя душа ликует, ибо я вижу, что тронул сердце истого шназа! Гордый шназский дух наших древних преданий я воплотил в звуках музыки и пения. Подлинное искусство произрастет на земле национальной истории. Судьба даровала нам, шназам, великую историю, и мы даруем миру великую музыку.

Почтенные дамы и господа! Хочу остеречь вас от ложного обаяния фальшивой музыки, что ныне пробивает себе дорогу. Эрцы, народ без родины и земли, за три тысячелетия так и не породивший национального своего искусства, создают подделки и портят вкусы. Композиторы из эрцев способны лишь к подражанию, и притом только в части формы, но не содержания, ибо в их душах отсутствует собственное художественное содержание, а к чужому приобщиться невозможно.

Мы не должны более стыдиться естественной антипатии к внешнему виду эрцев и к языку сего неспособного народа, но должны стыдиться нашей наивности, подвинувшей нас принять ложную идею равноправия. Я говорю Эрцам: “У вас есть спасение – оно в отказе от самих себя!”

Дамы и господа! Дорогие мои шназы! Сегодня вы слышали нечто свое и подлинное. Дай нам бог умение, чтобы распознать, и мужество, чтобы отбросить, – чужое и фальшивое. Благодарю за внимание”.

Потрясение и разочарование. Луиза и Райлика не поняли произнесенной на шназском языке речи, но бледные лица Бернара и Нимрода вселили в женщин страх. Нимрод, срезая углы, передал смысл рондеровых слов. Бернар огласил свою беспощадную версию.

В гостиницу возвращались за полночь.

– Мои предки и твой отец, уроженцы страны Ашназ, на путях просвещения искали спасения эрцам. Шназы предлагают нам другой план спасения – отказаться от самих себя, – сказал Бернар, обращаясь к Нимроду.

– Рондер говорил от своего имени, – возразил Нимрод.

– А громкие аплодисменты от партера до галереи?

– Я смущен и подавлен, как и вы, господин Фальк.

– Командирство твоего отца... Мир праху его.

– Шназам трудно простить нам исключительность, они посягают на нее и подозревают, что цели наши – вселенские. Нужны время и вера.

– Ты говоришь, как проживший жизнь старик, хотя старик-то я! Веры во мне довольно, а время смеется нам в лицо. На полтора века мое время опережает твое, но мы решаем одну задачу!

– Страна Эрцель – страна эрцев. Уповаю на то, что вы ближе к цели.

– У нас то же упование. Оно и привело нас сюда, за Свитком спасения.

Бернар задумался. Воцарилось молчание, которое он же и нарушил.

– О, в мою старую голову пришла блестящая мысль! А почему бы тебе, дорогой мой Нимрод, не нанести нам ответный визит? Ты все увидишь своими глазами. Да и мои жена и дочь очень полюбили тебя.

– Благодарю вас, господин Фальк.

– Луиза, Райлика! – крикнул Бернар ушедшим вперед женщинам, – Я пригласил к нам Нимрода!

– Отлично придумано, папа!

– Мы с Райликой давно уж решили, что пригласим Нимрода. Я рада, что ты догнал нас, – сказала Луиза.

Нимрод провел бессонную ночь. Впереди – крутой поворот судьбы. “Мои отношения с Райликой абсолютно не определены. Тут требуются вера и время. Кажется, давеча я это говорил. А докторат? Для завершения необходим год. Опять – вера и время”.

Утром Нимрод сообщил Фалькам, что счастлив принять их приглашение, и приблизительно через год, завершив труд, прибудет в страну Эрцель. Это заявление сильно повредило возглавлявшейся на Нимрода надежде, но не убило ее.

Нимрод подготовил обстоятельный доклад и предстал с

ним пред господином Вайсом. Вечером глава общины в сопровождении своего молодого помощника навестил Фальков в гостинице.

– Дорогие мои гости! – начал господин Вайс, – Господин Ламм осведомил меня об обстоятельствах вашего пребывания в Уухене. Мне также известно, что господин Ламм через год будет принят вами в стране Эрцель. Я полагаю, что в отношении Свитка правильным будет следующее решение. Отправляясь в вашу страну и в ваш век, Нимрод возьмет Свиток с собой. Полностью доверяясь господину Ламму, я возлагаю на него ответственность за решение судьбы Свитка спасения – оставить его в стране Эрцель или вернуть в страну Ашназ. Теперь – я весь внимание.

– Нашим первоначальным желанием было забрать Свиток самим. Мудрость отсрочки усматриваю в том, что она милосердно потакает нетерпеливому характеру эрцев. На год короче станет ожидание неизбежного спасения после получения Свитка, – ответил Бернар.

– Как вам понравился Уухен? – перевел разговор на другое господин Вайс, поняв иронию и не имея намерения менять решение.

– Уухен великолепен, но...

– Можете не продолжать, господин Фальк, я все знаю. Цель ораторства – зажигать толпу, а не искать истину. Прискорбный инцидент.

– Господа Вайс и Ламм! Мы с Райликой приготовили про-

щальный ужин в кулинарных традициях страны Эрцель. Милости просим, откушайте с нами! – выпалила Луиза припадочную фразу.

– О, благодарим! Останемся на ужин, Нимрод?

– Разумеется, господин Вайс.

Окончился ужин, изощренностью блюд весьма впечатливший шназских эрцев. Состоялась церемония прощания. Несколько фраз, которыми обменялись Райлика и Нимрод наедине, прозвучали хотя и сердечно, но отчасти напряженно и натянуто.

Утро следующего дня Фальки встретили в своей квартире в Авиве.

Глава 5 Диана и Алекс

Начинать тяжело. Начинать во второй раз тяжелей вдвойне. Опыт первого раза мешает. Благословен, кто умеет пренебрегать собственным опытом. Возможно, и стереотипы виноваты. Голова взрослого не *tabula rasa*. Как славно, если есть доброхот, помогающий новичкам одолеть робость, что мешает стереть с доски старые знаки!

Гилад – находка для Дианы и Алекса. Ему известен образ мысли пришельцев из Хорфландии – первым делом дай им работу. Гилад помог. Затем определил их на лучший курс для изучения эрцита. Ведь они люди интеллигентные, им никак нельзя без языка.

– За нас правительственные министерства радеют. Почему мы принимаем благодеяния Гилада и зачем мы ему нуж-

ны? – спросил Алекс Диану.

– Ты прав, радеют. Пока не поняла, зачем нужны.

– Он алчет наших душ.

– Пусть так. Пока дурного от него не видели.

– Это верно, но...

Алекс не знал, как закончить фразу.

Гилад был ненавязчив и открыт. “Цель нашего общества помощи новоприбывшим – внедрить в сердца хорфландских эрцев, живших в отрыве от народа, его дух и веру. Не эмигранты, а патриоты нужны стране. В практических делах мы помогаем бескорыстно, но с корыстью воспитать приверженцев идеи великой страны Эрцель” – как-то сказал Гилад своим подопечным. Диана простодушно заметила, что она не эрца, а хорфландка. В первый момент Гилад опешил, внимательно посмотрел на нее. Факт этот усвоил и переварил быстро. Впоследствии продолжил свою миссию с новым азартом.

Поначалу Гилад естественным образом избрал Алекса главным объектом своего миссионерства. Сенсационное сообщение Дианы разожгло его энтузиазм и заставило перераспределить усилия в пользу равенства. Он приезжал по вечерам, сажал подшефных в машину, возил по всей стране, показывал места воинского геройства и иных нетленных заслуг народа эрцев. Часто бывали они за серой линией. Тут Гилад паче всего воодушевлялся. “Здесь, а не в Авиве, будущее страны и народа!” – внушал. “Не мира просить у геров, а вытеснять чужаков с древней нашей земли следует!” – на-

ставлял и остерегал новых граждан от неверных воззрений.

Гилад говорил вдохновенно и умело. Религиозные темы – любимые им. Разбить в пыль скалу атеизма – достойная цель. “Безбожие свидетельствует о силе ума, но сила его ограничена и не открывает истины, а без нее нет счастья, которого всякий хочет. Обреченный на неведение, безбожник несчастен”, – проповедует Гилад. Подчеркнуто скромное одеяние Дианы стало этапом на пути к успеху внедрения моральных традиций в головы переселенцев. Гилад объяснил: “Любое, хоть самое малое деяние на благом пути есть кирпич для постройки храма”.

Итак, Гилад говорил-старался для обоих потенциальных неофитов равно, но питомцы понимали ментора не равно. Диана ловила каждое слово, неспособный к языкам Алекс не поспевал за беглой речью. А что же наставник? Всякому пахарю милее тучный клин, туда и направляет свой плуг. Неуспех зlobил ученика, успех тревожил ученицу.

Не своих, а Алекса достижений, хотела честолюбивая в прошлом Диана. Две причины тому. Любящая жена тяготилась приоритетной ролью. Хотелось быть ведомой, хотелось передать супругу место у семейного руля. Возлагала надежды на новое начало, а оно не принесло новизны. Второе – Диана страшилась, как бы растревоженное самолюбие не стало искать успокоение в бальзаме старого греха. Время показало: опасения были напрасны. Вино Алекс прочно забыл.

Диана любила Алекса такого, каким он был. Но кто упрекнет за желание новых достоинств предмету любви? Блестящий и благонамеренный Гилад одарен всем тем, что Диана хотела видеть не в нем, а в Алексе. Это обстоятельство не убавило любви, но невыгодные сравнения не укрепляют чувств. В тот год, как на беду, дела у Гилада шли великолепно, и он все сожалел, что Райлика сторяча, не поняв, что к чему, ушла из его страховой конторы. Преисполненный такта, Гилад не распространялся о своем процветании, беседуя с погруженными в тяжкие проблемы первоустройства Дианой и Алексом. Но когда сквозь случайную щелку в занавесе деликатности проглянет старательно скрываемое благополучие, оно скажет чутким душам и о прочности своей и о заслуженности. Трудно унять зависть, а она – лишний камень в корзине, которую Фридам еще долго волочить.

Опыт страхового агента научил Гилада: хочешь расположить к себе клиента, стоящего ниже тебя на социальной лестнице – держись с ним просто, рассказывай о себе, о семье, о проблемах своих. Идею эту Гилад опробовал с клиентами другого рода. Диана и Алекс узнали о скромном пути Бернара и Луизы Фальк, о недавней воинской службе Райлики, о нелюдимом Теймане, о нелегкой жизни детского врача Хеврона. Бейт Шэм, что за серой линией, Гилад представил местом, благословенным богом, за которое, однако, было и еще будет пролито много крови. Поселение это, и прочие вокруг, – преддверие будущего рая, земля спасения эрцев. И

Свиток при этом был упомянут.

О себе Гилад говорил скупно. Диана резонно предположила, что он тяготится своей бессемейностью. Холостяки о себе либо лгут, либо молчат. Ни с чужими, ни, тем более, со своими, Гилад никогда сего предмета не касался. Он хранил достойное молчание, предоставляя любопытствующим и заинтересованным строить догадки: кто-то подозревал сменяющие друг друга романтические истории, а кто-то намекал на тайные набеги в южный Авив – место, где свершаются смелые мечты холостяка.

Алекс и Гилад для Дианы, как два силовых поля, что непрестанно и неумолимо пронизывают женское сердце. Она любит Алекса, но разочарование от несвершения надежд омрачает дни. Гилад полон достоинств, и доминантность его освещает дни. Диана боится и стыдится невольного восхищения этим светом. Ей кажется, что она несправедливо пренебрегает слабейшим, почти изменяет ему. Жалость и чувство вины затопляют душу, и сердце ищет убежище от мук. Гилад открывает ей путь в убежище – путь к спасению от самой себя. Он терпеливо разъясняет Фридам догматы веры и пожинает урожай с женской половины нивы. Праведными делами, праведными речами, даже праведной одеждой Диана ограждает себя от греха. Наставник, внушающий идею абсолютного духовного превосходства веры эрцев над верой прочих народов, безоговорочно доказателен в ее гла-

зах и ушах. Прелесть высшего – в его трудной достижимости. “Выходит, коли вера эрцев самая высокая, то принятие ее и исполнение заповедей ее – лучший путь укрепить то, что грозит пошатнуться”, – говорит себе Диана. Впрочем, не только страх потерять Алекса, но и дремавший прежде и разбуженный теперь интерес к мистическому, вдохновляли ее. Что до Гилада, то он на многих женщин смотрел с позиции возможных перспектив, но, искренне верующий, не помышлял посягнуть на запретное. Встречаясь со своими питомцами, он действовал только в интересах добровольного общества, командировавшего его.

Диана хотела мужниного честолюбия и горевала, что оно не пришло к нему. Ошибалась. Оно пришло, да она проглядела.

Отставая от Дианы и не поспевая за Гиладом, Алекс досадовал на их взаимное понимание, и, сознавая неосновательность досады, искал в себе ревность.

Нехитрая служба Алекса состояла в охране чужого добра. Коллегами его были земляки из Хорфландии. Как-то один из них рассказал, что вот, живет в стране Эрцель великий ученый по фамилии Даркман, который преподает баккару всем желающим. Сторож пригласил сторожа на беседу к мэтру. И Алекс пошел. И не знал еще, что шаг этот многое предопределил, и спрямил путь судьбы, и избавил ее от терзаний выбора.

Прежде Алекс слышал кое-что о баккаре, в том числе и

от Гилада. Ученого Даркмана, который для всего мира был доктор и профессор, ученики ласково величали “жрец”. Но, несмотря на жреческий титул, он торжественно заявил, что баккара есть наука, и нет в ней и пяди общей земли с религией, и что пришедшие к ней из религии не понимают в баккаре ни единого слова, и что предмет сей науки – высшие духовные миры. Мастер по-отечески положил руки на плечи Алексу и добавил: “Присоединяйся, будь усерден, с годами познаешь тайны мира, и вместе спасем его!”

Алекс думал: “Даркман, как и Гилад, говорит о спасении. Баккара – наука, а не религия. Первое мне близко, второе – чуждо. Если Даркман прав, то, выходит, Гилад не смыслит в вещах, которым нас с Дианой учит. Бедняжка, она верит ему! Баккара – это для меня. Наука наук. Познать мир! Спасти его! И, черт возьми, утереть кое-кому нос! Когда-то давно, родители принудили меня к инженерству, а я тянулся к духовному. Они смеялись надо мной. Теперь я нашел свое!” Обида, желание превзойти мнимых обидчиков, проснувшееся честолюбие, вынужденная бездеятельность ума, реальная доступность вершины и еще бог знает что – все вместе захватило его. И червячок сомнения уснул.

Для супругов жить вместе и видеться всечасно – порой хорошо, порой не очень. Жить вместе и почти вовсе не видеться – добра не сулит.

Итак, Алекс стал учеником Даркмана. Почетно, но труд-

но. “Великие учителя – это светила, что восходят над нами” – думает Алекс. В специально нанятом доме, ежедневно с трех часов утра, учеба начинается и продолжается три часа. После краткого отдыха сплоченная группа выезжает в лес, в парк, к морю, чтобы среди вольной воли провести время до полудня, закрепляя в головах урок учителя. Время от полудня и до вечера Алекс отдавал бездумной своей службе, которая, во благо его страсти, не мешала ему конспектировать труды Даркмана, а то и писать что-то свое. С вечера до трех утра Алекс отдавался краткому, но крепкому и беспробудному сну, дабы восстановить силы для нового дня.

Тревожно и горько на сердце у Дианы. “Неужели не нужна? Баккара, Даркман, высшие миры – вот и весь его лексикон! А я? – думала Диана. Велика обида любящей жены. Молодая женщина имеет права на мужа. Это и верой укреплено. А муж редко смотрит в свою душу и в душу жены забывает заглянуть. “Это я виновата. Я не эрца. Вот, что разделяет нас, вовсе не баккара! Пусть Гилад поторопит жрецов, чтобы поскорее приняли меня под сень своей веры. Я сравняюсь с Алексом. Я соберусь с духом и стану вкушать от баккары Даркмана. По ложке в день. Я соглашусь платить из семейного дохода десятину в пользу жреца и его храма. Еще вернутся добрые благие дни!” – утешает себя Диана.

Нетерпение Дианы стать прозелиткой крайне польстило Гиладу. Он отнес это на счет успешности своей пропаганды. Он потеплел к Диане. Заметив это за собой, подумал: “Не

уподобиться бы Пигмалиону!” Воодушевленный, употребил свои связи, и через посредство авторитетов в жреческой среде ускорил достижение желаемого.

И вот, свершилось! Блистательная питомица Гилада Фалька приняла веру эрцев, и советом жрецов была признана полноправной во всех отношениях эрцей. И с принятием веры и по закону ее, новообращенная приняла другое имя. Итак, нет более Дианы. Есть Сара Фрид!

Названия вещей выражают их природу. Люди хотят придать своим именам такую же значимость.

Алекс погружен в науку наук. Ступень за ступенью он поднимается по бесконечной лестнице, ведущей к вершинам духовных миров. Поначалу он несколько индифферентно принял весть о новой ипостаси супруги. Рассеянно удивился. Мысленно не одобрил. Быстро привык к тому, что жену зовут Сарой. Потом принялся обдумывать новый факт. “Зачем ей это? Ради Гилада? Нет сомнения – ради него! Она поглощена его проповедями, увлечена им самим. Я, кажется, не нужен ей!” – думал уязвленный муж. Не надо более искать ревность на дне души – вот она, как пена, вся наверху. Впервые пришла мысль о разводе. Поколебавшись, Алекс решился открыться Даркману. Жрец пришел в замешательство от чересчур конкретных предметов, быстро овладел собой и изрек несколько цитат из своих трудов на морально-этические темы. Алекс остыл, ибо наука не терпела отвлечения или остановки, а сладость учения перебивала любую горечь.

Став эрцей, Сара приступила ко второму этапу завоевания мужа. “Я одолею скепсис и превозмогу безразличие к баккаре Даркмана, влюблю себя в нее. Пора жить интересами супруга. С чего начать? Напрошусь на экскурсию в храм жреца. Уговорю и Гилада пойти, чтобы Алекс понял, что это – серьезно”, – думала Сара.

Сара, Алекс и Гилад подъехали к одноэтажному дому – это храм науки наук. Алекс, как хозяин, отворил дверь, пропустил гостей вперед. В холле почти нет мебели. Одну из стен украшает огромный, от пола до потолка, портрет Даркмана. Изображен интеллектуального вида мужчина. Очки. Элегантный костюм-тройка. Галстук. Правая рука опущена в карман брюк. Левая – опирается на глобус. Взгляд задумчивых глаз устремлен на земной шар в миниатюре. Писаная маслом картина впечатляет зрителя величиим ее героя.

Из соседней комнаты скорым шагом вышел жрец. Улыбнулся, поздоровался, заметил, что Сара и Гилад разглядывают портрет.

– Ах, это, право, пустяки, – скромно заметил Даркман, – Алекс, приглашай гостей в нашу классную комнату.

Расселись вокруг овального стола, мэтр во главе. На столе множество книг.

– Дорогие мои Сара и Гилад! Алекс сообщил мне о вашем интересе к моей баккаре. Буду рад видеть вас среди последователей моих идей. Кстати, Алекс – один из лучших моих

учеников, – сказал Даркман на эрците.

– Боюсь, я не справлюсь, ведь ваша баккара – на хорфландском языке, – возразил Гилад.

– Наш жрец обучает на двух языках, а книги его переведены на все языки мира, – заметил Алекс.

Эту фразу на эрците он заготовил и обдумал заранее. В тоне Гилада ему почудилась ирония.

– Я распространяю свое учение по всему миру. В стране Эрцель у меня сотни и тысячи учеников, на земном шаре у меня их сотни тысяч.

– Как вам это удается, господин Даркман? – вступила в разговор Сара.

Алекс вновь что-то заподозрил.

– Семинары, съезды, фестивали в разных странах. Но, главное, я издаю массу книг. И в этом мне помогают мои лучшие ученики, – сказал жрец и обнял за плечи Алекса.

– О, должно быть, вы исколесили весь мир! – воскликнул Гилад.

– Не скрою: этим горжусь!

– Я где-то читал, что в Лагадо некий ученый работает по интереснейшей методе. Он построил машину, которая при каждом ее запуске перемешивает случайным образом специальные карточки с записанными на них словами. Слова выстраиваются во фразы, которые ученики заносят в особый фолиант. Работа продолжается годами, и так создается наука. Ученый мечтает построить еще пятьсот таких машин и

распространить добываемое им знание по всему Лагадо, – сказал Гилад.

– В Лагадо мне бывать не приходилось. Я непременно восполню пробел.

– Господин Даркман! Гилад привел всего лишь литературный пример, – поспешно заметила Сара, испугавшись, что жрец учует зубоскальство.

Алекс негодовал.

– Дорогие мои Сара и Гилад! Я не боюсь признать, что изящная словесность, психология и прочие гуманитарные сферы – не сильная моя сторона. Вас это удивляет, Сара?

– Я в прошлом журналистка и даже сочинила роман. Когда-то я это любила.

– Когда-то и я жил в Хорфландии и был другим. Страна Эрцель раскрывает таланты.

Так протекала беседа. Профессор открывал гостям всеохватность предмета его науки. Гости слушали. Из соседней комнаты слышался телефонный звонок. Даркман и Алекс вышли для важного разговора с другим континентом. Улучив минуту, Гилад выразил надежду, что книги профессора более внятны, чем его эрцит. Сара, мельком просмотрев несколько страниц на хорфландском языке, заметила, что стиль вопиет.

Даркман и Алекс вернулись. Экскурсия подошла к концу. Алекс должен был остаться с учителем. Сара и Гилад сели в машину и уехали. Алексу показалось, что в машине Гилад

пожал Саре руку, а она ответила ему.

Впервые Алексу не удавалось сосредоточиться над книгой баккары. Строки переплетались, фразы казались бессмысленными. “Как у профессора из Лагадо” – невольно подумал Алекс. Подошел учитель, заглянул ученику в глаза. “Я тоже заметил насмешку, Алекс. Я не обижаюсь, не обижайся и ты. Зачастую люди оттого смеются над делами или словами, что не понимают их. Надо твердо верить и твердо шагать. Шагать и шагать. За нами – будущее!” – проникновенно сказал Даркман.

Алекс слушал рассеянно. Черная туча на лице. “Я не ошибся, подозревая. Теперь она эрца, она – для Гилада. Для них осталась одна помеха – наш с нею брак. Что ж, помеха не велика. Помогу им. Как мыслят в унисон, однако! Пришли насмеяться. Этим тешатся. Не буду стоять на пути. Женщина, смеющаяся над мужем, не может его любить. Что потеряю? Что переменится? Суета! У меня есть баккара, есть жрец, есть цель!” – думал Алекс.

Сара дома одна. Сумятица в душе. “Гилад, кажется, пожал мне руку в машине. Это вышло случайно. Я ответила? Не помню. Мы с Гиладом смотрим на вещи одинаково. Как это много значит! Ужасно, что я затеяла эту экскурсию. Впрочем, это хорошо. Многое проясняется. Искала дорогу к сердцу Алекса. Нашла и разрушила ее. Вместе с ним разрушили. Человек больше всего боится насмешки. Он уязвлен. Он

ревнует. Я люблю его. Люблю? Я не нужна ему. Он не со мной. Он пребывает в высших мирах. У него своя жизнь. В ней нет места для меня. Я поняла: мне не совладать с ненавистью к этой его страсти, к баккаре проклятой! Между нами пропасть. Что будет?” – думала Сара. Потом заплакала.

Проходят дни, недели. Сара горюет, Алекс внешне холоден. Сара не вынесла отчуждения, подступилась к мужу с разговором. “Нам есть, что вспомнить, Алекс! Или все хорошее в прошлом? Что будет с нами? Не молчи!” – сказала, и слезы не дали продолжить. “Я помню хорошее. Но все изменилось. И у тебя и у меня. Мы стали другими. Каждый нашел свою судьбу. Да, да, не возражай! Я не слепой. Не будем стоять друг у друга на пути. Расстанемся”, – произнес Алекс непривычно длинную тираду. “Он все обдумал. Он умен. Боюсь, он прав. Однако, он умеет принимать решения! Слишком поздно он явил свое умение!” – с горечью подумала Сара.

Гилад замечал разлад между супругами, замечал, что они таятся, одобрял такую скрытность, и сам был нем. Знал: Люди, которые ни о чем не спрашивают – самые лучшие утешители. Наконец, он решился задать вопрос Саре. Ее тихий ответ оглушил: “Мы развелись”. Его первая мысль – о себе. Вернее о себе и о ней. Рациональный ум не трудится без цели, он отбрасывает заведомо недостижимое. Сара нравилась Гиладу, но запретное изгоняется в подсознание. И тут – нежданная перемена! Возможно, счастливая для него переме-

на. Бог даст, и он станет для Сары кем-то большим, нежели функционером добровольного общества. Но – не спешить! Пусть Сара переживет свою драму. И она не должна думать, что он суетливо цепляется за свой шанс.

Саре нравился Гилад. Правда, он не будил в ней чувство необъяснимого и потому счастливого душевного волнения, чувство, которое она называла любовью, но сравнения с минувшим неуместны. И события пошли по тому пути, по которому не пойти они не могли.

Скоро свадьба. Жрец из Бейт Шэма запишет в книгу брачных союзов новую строку.

“Я на седьмом небе! А все-таки я уподобился Пигмалиону! Сара будет моей. Жаль, что я не древний язычник, и запрещено мне щедрой жертвой благодарить Афродиту!” – умиротворенно размышляет Гилад.

В Саре открылся еще один талант. Хватко выучившись честному бизнесу, она приводила в страховую контору одного за другим новых клиентов – новоприбывших из Хорфландии. “С театральной быстротой меняются декорации, актеры, роли. По дороге в страну Эрцель, в самолете, мне приснилось, что прежней моей жизни продолжения не будет, а проживу я две жизни, и вторая станет счастливее первой. Вот и начинается моя вторая жизнь!” – думает Сара.

Жрец благословил молодых и сделал запись. И Сара Фрид стала Сарой Фальк.

Свадьба немногочисленна. Приглашены родня и близкие друзья. Нелегко принять в семью вчерашнюю хорфландку. Бернар и Луиза почти счастливы. “Она так умна, так мила. Вот только...” – говорит Луиза. “Предрассудки! Все будет великолепно!” – искренне, как ему кажется, возражает Бернар. Предрассудки, впитанные с молоком матери, мы считаем непреложными истинами.

Райлика весело щебечет возле новобрачной. Они подружились. Тейман явился не один. Он впервые показал семейству свою девушку. Ту самую, у которой коса, по мнению Райлики, не толще мышинового хвоста. Косби и Хеврон, покровительственные, как старшие, и свойские, как сверстники, были главной моральной опорой молодоженов в нестерпимо долго тянувшейся свадебной маете. Идеологически заостренный Итро Окс, по праву говорить запросто, каковым обладают только лучшие друзья, заметил Гиладу: “Великие эрцы склонны жениться на женщинах из народов. Этим путем мы вбираем лучшее, что есть у других. Хорошее предзнаменование для тебя – будешь великим!” Оба улыбнулись шутке.

Отец той, что звалась прежде Диана Фрид, ничему не удивлялся и каменным молчанием встречал любые новости из страны Эрцель. Мать была огорчена – она любила Алекса. Приехать на свадьбу и познакомиться с новым зятем не решилась: чужие кругом. “Пусть обживутся, тогда и повидаемся”, – подумала.

Почтенная чета Фрид, получив весть о разводе сына, навестила его. Алекс был сдержан, скрытен, холоден даже. Хотел утаить свое увлечение, но проговорился случайно, и колкие шутки были ему наказанием. “Насмешники – всегда люди поверхностные!” – беспощаден сын в своей безгласной оценке. Быстро и безошибочно нащупав явные и тайные пружины страны Эрцель, сделав резонный вывод о ее неприемлемости для себя, посокрушавшись над безысходной непутевостью сына, Фриды покинули этот нелепый край, предоставив Алексу навещать их в столице Хорфландии.

Глава 6 Левые и правые

На главной площади Авива собралось множество народа. Лозунги в руках, сияющие улыбки на лицах. Ждут выступления главы Лево́й партии. Он во всеуслышание объявит о том, что из ста двадцати скрытых праведников, избранных сегодня в парламент страны Эрцель, более половины принадлежат к Лево́й партии, и поэтому, согласно закону, страной будет править эта партия, а сам он, как глава ее, займет пост Первого министра. Надо ли говорить, что собравшиеся – почти поголовно сторонники Лево́й партии!?

И вот, взошел на трибуну немолодой человек, в прошлом генерал, водивший армию страны Эрцель от победы к победе, и провозгласил то, чего ждали от него, а затем произнес программную речь. Он сказал, что народ эрцев, избрав левых, избрал мир и отверг войну. Он сказал, что готов отправиться во все соседние столицы и вершить мир, ибо мир

лучше и надежнее всякой победы. Он сказал, что два народа – эрцы и геры – должны жить каждый на своей земле и не посягать на землю соседа, и что пришло время признать серую линию законной границей. Он сказал, что зовет к своему знамени всех без исключения граждан, к какой бы партии они себя ни причисляли. И то ли серьезно, то ли шутя, добавил в конце, что Свиток спасения, о котором знает каждый эрец, теперь, несомненно, будет найден и попадет в добрые руки, и достигнутый мир принесет спасение народу. Потом выступали другие, а в заключение любимая в народе певица пропела песню о мире, и люди разошлись по домам.

Во время победного митинга Мики Парицки располагался на достаточно малом расстоянии от трибуны. Величина этого расстояния по неписаному закону, по простому человеческому разумению, по здравому смыслу, наконец, обратно пропорциональна статусу функционера. Сердце Мики наполнилось гордостью за верный прогноз исхода выборов и надеждой на скорое продвижение в партии.

Сыновья Бернара почти поверили в абсолютно правдоподобные рассказы родителей и сестры о необычайном путешествии. Как с другом, Гилад поделился новостями с Шаем Толедано. Последний довел до сведения своего боевого товарища Мики лишь один фрагмент – дескать, у Райлики появился жених. Шай чистосердечно полагал, что, если ради доброй цели, немного прибавить фантазии к реальности, да притом в духе очевидной тенденции, то сие деяние будет не

грехом, а благом. И расчет подтвердился, и Мики отступился от Райлики, и много всего худого, что могло случиться – не случилось.

В кабинете Роны Двир кроме старшего редактора расположились Шай, Мики, Райлика. Результаты выборов благотворным образом сказались на настроении Роны, но виду она не подает. В ближайшем недельном приложении появится статья Шая Толедано на злобу дня. Рона, желая отвести от своей газеты упреки в левизне, предоставляет на сей раз первые полосы журналисту правых взглядов.

Предстоит обсуждение статьи. Райлика, уже не новичок, имеет голос, и его слышно. Рона довольна успехами юной сотрудницы, осваивающей редакторское ремесло и к тому же недавно занявшей место на университетской скамье.

– Господа, мы начинаем. На прошедших выборах левые взяли верх над правыми. Я не опасуюсь чрезмерного противостояния: победители, как правило, очень скоро приобретают черты побежденных, – сказала Рона.

– Коллеги! – воскликнул Шай, – Мне хотелось бы остеречь левых от гордыни, ибо успех – сын небес, и нет у него корней в земле. Я не сомневаюсь, что Вы, как и многочисленные читатели моих политических обзоров, согласны с тем, что они объективны. Поэтому я начинаю свою статью с похвалы левым и присоединяюсь к осуждению распоясавшихся жрецов, подстрекающих солдат к бунту, говоря: “Без страха взгляни-

те в глаза приказу и вырвите его жало, если оно ранит нашу веру!”

– Bravo, Шай! Дай бог, дальше не хуже! – вставил Мики.

– Наберитесь терпения, господин Парицки! – почти ласково заметила Рона Двир, весьма одобрявшая сделавшуюся с Мики известную перемену.

– Достойно похвалы намерение Левой партии уничтожить возмутительный контраст между кричащим наглым богатством и онемелой робкой бедностью. В этом – народ с левыми, и нам лишь остается трижды в день возносить к небу горячие молитвы, чтобы тяжелый дух коррупции не заглушил фимиам благих обещаний, – продолжил Шай.

Мики, откинувшись на спинку стула, приготовился возразить солидно и едко. Но его опередила юная ученица.

– Господин Толедано! Ваше двусмысленное замечание о горячей молитве уничтожает похвалу! – пропищала Райлика, оглянувшись по сторонам и, как всегда, неуместно покраснела.

Все без исключения присутствующие посмотрели на нее одобрительно. Рона пожала ей запястье, сказала “Молодец!” и перевела выразительный взгляд на Шая.

– Мое замечание проистекает из опыта прошлого, дорогая Рай... , простите, госпожа Фальк! – добродушно возразил Шай.

– Прошу вас, господин Толедано, шагайте динамичнее, – сказала Рона.

– Центральная тема статьи – тема мира с герами, – продолжил Шай, – В этой точке мои похвалы левым уступают место горьким упрекам. Стремление к миру – не монополия левых, как им самим кажется, ибо мира желает весь народ эрцев. Но, похоже, левые – наивнейшая часть нашего народа. Их планы фантастичны и гибельны. Нельзя вооружать врага! Нельзя отдавать землю! Наконец, геры, воспитанные на ненависти к нам, не станут партнерами в переговорах. Им еще надо созреть! – патетически произнес Шай.

– В этом гвоздь вопроса! Политика, как и агрономия, знает средства ускорения созревания. Мы взрастим себе партнера! – смело возразил Мики.

– В этом головокружительном агрономическо-политическом эксперименте желаю вам успеха, а нам всем – его безопасного проведения, – сказала Рона и повернулась к Шаю, – Вы присоединяетесь к пожеланию, господин Толедано?

– В статье можно найти ответ на этот вопрос, госпожа Двир.

– Меня убеждает речь Первого министра. Он упомянул о Свитке неспроста. Я так надеюсь, что вскоре у нас появится Свиток... – задумчиво произнесла Райлика, и глаза ее наполнились грустью, и Рона заметила это, но объяснение сему обстоятельству не знала.

– Господин Толедано! – строго сказала Рона, сверля глазами Шая, – Все сидящие здесь знакомы с рукописью статьи. Я позволю себе высказать категорическое несогласие кое с

чем. Разумеется, наша страна абсолютно демократическая, и у нас, слава богу, нет цензуры в прессе. При всем том прошу вас обдумать один из абзацев. Я имею в виду вашу беседу со жрецами поселений, расположенных за серой линией. Те, по своему обыкновению, делят эрцев на верных и неверных, полезных и вредных, на тех, кому можно доверять и тех, кто доверия не заслуживает. И для них, само собой разумеется, что соль земли – это люди, живущие за серой линией, а обитатели Авива – пена и накипь людская. Не кажется ли вам, Толедано, такая классификация неприемлемой?

– Эээ... ну, да... вы, безусловно, правы...

– Однако, ваша журналистская позиция расплывчата.

– Я подумаю над формулировками, госпожа Двир.

– Господин Толедано! Вы, безусловно, вправе, по вашему выражению, менять похвалы на упреки, но при этом нельзя посягать на факты! – звонко проговорил Мики.

– Прошу выразаться конкретнее! – ответил Шай.

– С удовольствием. Вы утверждаете, что левые ложно приписывают жрецам водворение в стране клерикального террора. Увы, клерикальный террор – это не ложь, а факт! Жрецы указуют нам, что и почему не есть, где и когда не ездить, кому и отчего не верить и так далее и так далее. Если это не клерикальный террор, то что это?

– Это почитание традиций и святых наших книг – двух столпов, на которых покоится вечность народа эрцев!

Нечто в этом роде Мики и ожидал услышать. Он приго-

товился произнести достойный ответ, но заметил, что глаза Райлики горят, и щеки вспыхнули. Некоторые воспоминания о стране Ашназ и реальности страны Эрцель соединились в ее голове. Мгновение она колебалась, потом решилась.

– Традиции и святые книги открывают нам, что женщины по природе своей суть порочные и недалекие создания, влекущие мужчин на путь греха. “Пусть сапожник не судит выше сапога” – говорят ваши книги о женщинах.

– Я не уверен, юная госпожа, что вы вполне понимаете смысл произносимых слов. Если вы подразумеваете требования скромности, как в одежде, например, то что же в этом дурного? Скромность оберегает женщин от посягательств на их достоинство, – довольный своей убедительностью ответил Шай.

– Я многое подразумеваю. Кто виноват в том, что вид женской фигуры в брюках родит в голове праведника грешные мысли? Не женская порочность, а вечно неутолимая мужская похоть тому виной! Сваливаете с больной головы на здоровую, господин Толедано!

– О-о-о... Bravo! – несколько натянуто воскликнул Шай. Физиономия Мики растянулась в широчайшей улыбке. Рона принялась энергично гладить Райлику по голове и по спине, успокаивая ее. Госпожа Двир была в высшей степени довольна своей ученицей.

– Господа, мне кажется, что наша беседа не только исчер-

пала свою тему, но и покушается на области смежные и даже далекие. Всех благодарю за внимание, – сказала Рона.

Шай и Мики покинули кабинет. Рона удержала Райлику. “Глаза ее блестели странной грустью, когда она упомянула о Свитке. И с чего бы этой девочке сердиться на мужчин? Ее что-то гложет? Здесь какая-то тайна?” – думала Рона. Нераскрытые личные секреты сотрудников создавали дискомфорт в душе старшего редактора. Сплав благорасположения с любопытством. Рона вознамерилась попытаться разговаривать Райлику. У людей значительных, как и у простых, любопытство – первая страсть.

Выйдя в фойе, старые боевые друзья переглянулись. Поспорили, но причин для размолвки – никаких.

– Что происходит с будущей звездой прессы? – спросил Мики.

– Не знаю.

– Допустим. Я думаю, Шай, политика в больших дозах отупляет. Зачем мы пьем полынный настой идеалов вместо нектара прагматизма?

– Мики, давненько мы не устраивали семейного пикника! Лес, жены, ребятишки, визг, шашлык с вином!

– Отлично, дружище! Созвонимся.

Глава 7 Любовь

Год тому, после сдержанного прощания с Нимродом, семейство Фальк вернулось в страну Эрцель. Год – это тот самый срок, который Нимрод, в согласии с господином Вай-

сом, установил себе и своим гостям из будущего и который потребен ему, чтобы завершить докторат, и чтобы собраться с мыслями и с духом, и, пользуясь чудным свойством вечности народа эрцев, шагнуть во времени вперед на полтора века, и прибыть в город Авив, что в стране Эрцель, и повстречаться с Райликой, и, конечно, привести с собой Свиток спасения.

Райлика прочно утвердилась в своем бытии в газете, и, к тому же став студенткой, завоевала сердце Роны, ее покровительство и совершенное сочувствие. Утром и днем – газета, вечером – университет. Время летит, день полон, а сердце пусто. “Спасибо Шаю, отвадил от меня неугомонного искателя разнообразия, этого волокиту Мики” – думает Райлика. Ей нечего жаловаться на мужское невнимание. Юноши прелестные и умные выказывают серьезность намерений и добиваются ее благосклонности. Сладкий медовый настой их любовных притязаний пьянит женское тщеславие.

Райлика и Нимрод не клялись друг другу. Оба свободны. Своя свобода и тяготит и греет душу. Его свобода будит ревнивые мысли. Отчего же ревность? Разве была любовь?

Расставание без обязывающих признаний породило разочарование. Но ненадолго. Выглянули побегі воспоминаний и пошли, и пошли в рост: встреча за встречей, слово за словом, жест за жестом. Чем дальше отступают дни, что в стране Ашназ, тем желаннее Нимрод. “А если не свидимся более? А вдруг, то был сон? Я выдумала Нимрода? Но разве

сон может так долго душу щемить? – все спрашивает и ищет себя думами Райлика. Воспоминания о несбывшемся делают мечту еще привлекательнее.

Год минул. Нестерпимо сознание, что никогда не появится Нимрод. Любви не было. Она возникла – умозрительная, виртуальная. Или ничего нового не возникло – любовь и прежде была, да Райлика ее не разглядела. Что бы ни делала, что бы ни говорила Райлика, не оставляют ее мысль о Нимроде и страх, что потеряла его. Экзальтация наущает то на слезы, то на радость, то на гнев.

Авив, утро, жара, автомобили, людской говор, шум. По тротуару одной из центральных улиц медленно, с опаской и любопытством озираясь по сторонам, идет странный молодой человек. Одежда на нем и баул его – словно из костюмерной. А повадки – как у домашнего кота, случайно оказавшегося на улице и осторожно, с недоумением, страхом и любопытством обследующего предметы вокруг.

Чудаком этим был ни кто иной, как Нимрод Ламм. Он снял сюртук, перекинул его через руку. Носовым платком отер пот со лба. “За полтора века городской пейзаж стал незнаваем. Ни одной лошади. Только механические повозки, называемые автомобилями, с сумасшедшей быстротой проносятся мимо. Надо начинать адаптироваться” – размышляет Нимрод.

Первая задача – найти Фальков. Адрес есть. Эрцит он

знает. Надо спрашивать у прохожих. К кому обращаться? К женщинам? Трудно решиться на такое. Одежды на них до смущения мало, зато вид независимый и взгляд гордый. Мужчины отвечают на бегу и скороговоркой. Запаса преподаваемого Райликой разговорного лексикона не хватает. Наконец, Нимрод заметил почтенного вида старца, на котором одеты не рваные на коленях джинсы и выцветшая майка с надписью сомнительной пристойности, но брюки с безупречной стрелкой и белоснежная тщательно отутюженная рубашка. Нимрод назвал адрес, задал вопрос. Джентльмен отвечал не торопясь, на правильном эрците. В выговоре незнакомца ветеран уловил что-то родное, почти забытое. Но волю любопытству не дал, а только смотрел вслед удаляющемуся Нимроду.

Райлика в своих наставлениях другу забыла упомянуть о правилах дорожного движения. Проезжую часть улицы Нимрод пересекал, подражая толпе, и не заметил светофора.

Вот и нужный дом. Нимрод поднялся по лестнице. Постучал в дверь. Открыла Луиза.

– О, Нимрод! Какая радость!

– Здравствуйте, госпожа Фальк!

– Бернар, Бернар, скорей сюда! Гляди, кто пришел!

– О, Нимрод, дорогой! А мы уж начали сомневаться! – воскликнул примчавшийся Бернар и обнял пришельца из прошлого.

– Давай сюда свои вещи, проходи в гостиную. Бернар, зай-

ми гостя, а я поспешу на кухню, время обеденное. Через полчаса – все за стол!

– Луиза, я позвоню Райлике.

– Не надо, Бернар, пусть будет для нее великий сюрприз.

После освежающего душа Нимрод уселся за обеденный стол.

– Признай, голубчик, из овощей страны Ашназ такого салата, как наш, не сделать! – воскликнула Луиза.

Нимрод признал, усердно жуя. Покончив с обедом, хозяйка и гость разместились в креслах.

– Есть свободная комната для тебя. Хочешь остановиться у нас? – спросил Бернар.

– Неловко. Лучше в гостинице.

– Будь по-твоему. Я надеюсь, в твоём бауле прячется та самая вещь, которая столь нужна сейчас стране Эрцель? – задал Бернар волновавший его вопрос.

Нимрод, ни слова не говоря, достал из баула кожаный цилиндр. Открыл крышку футляра. Вынул катушку с намотанной на ней широкой пергаментной лентой. Край ленты взял в одну руку, другой повернул катушку на один-два оборота. “Это – Свиток спасения!” – сказал Нимрод, бережно держа драгоценный предмет. Луиза и Бернар склонились над Свитком, разглядывая древние письмена на пергаменте.

– Кажется нам вещь жизненно важной – и непременно попадет она в наши руки! – воскликнул Бернар.

– Я бы хотел, чтобы Свиток хранился пока у вас, госпожа

и господин Фальк.

– Разумеется, – сказал Бернар.

– Бернар, я думаю, до возвращения Райлики из университета, ты успеешь помочь Нимроду найти пристанище и купить подходящую одежду.

– Райлика, у нас гость! – воскликнула Луиза, поздно вечером встречая на пороге вернувшуюся из университета дочь.

Счастливое лицо Луизы было красноречивее всяких слов. Райлика мгновенно поняла, кому так рада мать. Чего ждешь год – случается в момент!

– Где он? – нетерпеливо воскликнула Райлика.

Из гостиной показался Нимрод. Новехонькие разодранные джинсы и новая майка с изображением неведомого земной фауне зверя надеты на нем: где идут многие, там идут и другие. Молодые бросились навстречу друг другу и чуть было не обнялись. Если восторг Райлики был естественным продолжением ее чувств, то порыв Нимрода казался неожиданным. Вполне можно предположить, что он, как и Райлика, тосковал и томился в разлуке и вождедел встречи.

– Нимрод, Нимрод... – повторяла Райлика.

– Райлика... – лепетал Нимрод.

Оба сияли. Луиза и Бернар опустили глаза долу, несколько смущенные, но в предположении хорошего.

– Нимрод успел рассказать нам о себе, а мы ему – о нас, – сказал Бернар.

– Нимрод, Райлика! Стол накрыт, после ужина прогуляйтесь, – предложила Луиза.

– Мы посидим в кафе, – бросила в ответ Райлика, схватила гостя за руку, увлекла за собой, и оба выскользнули за дверь.

Так изумительно совпало, что на следующий день после появления Нимрода университет освободил студентов на каникулы. Вечера свободны. Впрочем, если бы и не произошло чудного совпадения, Райлика устроила бы передышку самолично. Приоритет учебы высок, но не абсолютен. По чести говоря, и о важности доктората она такого же мнения, но держит его при себе.

Гордая другом, Райлика представила его коллегам. Рона по-матерински глядела на молодых, с умилением, как на жениха и невесту. Выслушала обстоятельный рассказ девицы о том, как та познакомилась с Нимродом, как он закончил докторат и вот – приехал. Повествуя, Райлика назвала лишь место знакомства, но о времени его почла за благо не упоминать.

Шай вовсе не сердился на Райлику за несправедливые упреки на недавнем совещании в редакции. Он одобрительно смотрел на юную парочку.

Рона и Шай спрашивали, Райлика и Нимрод отвечали. В этот час в редакции случилось быть Мики. Он внимательно вслушивался в каждое слово Нимрода. Рассуждения

парня нравились ему. Мики строго потребовал от самого себя абсолютной объективности и напрочь исключил нелепую ревность. Улучив подходящий момент, он отвел Нимрода в сторону для обстоятельной беседы. Деятель Левой партии по достоинству оценил энциклопедические знания, литературную речь и либеральные взгляды молодого доктора. Мики хотел приобрести помощника в лице этого умного шназского эрца. Мики устроит ему встречу со своим боссом, и если тот впечатлится, то Нимрод будет принят сотрудником. Нимрод польщен и благодарен.

Райлика, приобретшая к тому времени водительские права, сама везет Нимрода в Бейт Шэм – показать родне. Глаза и уши Нимрода трудятся без усталости. Глядя в окно машины, он любуется красотами ухоженной страны Эрцель и одновременно слушает рассуждения Райлики о смысле серой линии и о поселениях эрцев за ней.

За исключением родителей, весь семейный клан в сборе. Братья Хеврон, Гилад, Тейман, а с ними и Итро Окс жмут гостю руку дружески, весело, крепко. С неподдельным интересом они задают вопросы и выслушивают ответы. Они посвящены в его тайну. Знают не только откуда, но и из какого времени он явился. Было бы рискованным категорически утверждать, что они принимают сие за чистую правду, но и обратное утверждение верным не назовешь. Косби, Сара и ныне легальная подруга Теймана, обладательница тонкой ко-

сы, испытали смущение и романтическое волнение, поскольку гость сопровождал процедуру знакомства с дамами поклонами и целованием рук. Вездесущие дети отвлеклись на минуту от игры в мяч и внесли свою лепту в общий шум приветствий.

За столом первым говорил гость. Потом зазвучал голос Итро. Он сказал, что почти все присутствующие здесь являются сторонниками Правой партии. Говоря “почти”, он посмотрел в сторону Райлики. Оратор выразил надежду, что Нимрод, разберется в хаосе страны Эрцель и отделит зерна от плевел по выражению надменных чужезверов-шназов. Как самостоятельно мыслящий мужчина, он, несомненно, займет правильную, а другим словом, правую позицию. Поддерживаемый братьями Фальк, Итро привел абсолютно неопровержимые вследствие своей очевидности и очевидные вследствие своей неопровержимости доводы в пользу войны с гермами, а также изгнания их ради создания великой страны Эрцель. Вскользь упомянут был и Свиток. Райлика и Нимрод промолчали о своем достоянии.

Нимрод подивился, как сильно разнятся мнения в этой странной стране Эрцель. “Бернар и Мики с одной стороны, Итро и братья Фальк – с другой. Похоже, Итро, как и Мики, хочет видеть меня деятелем среди своих. Не сесть бы меж двух стульев. Впрочем, сперва нужно получше понять и тех и других”, – думает Нимрод.

Было очевидно, что Нимрод быстро становится общим

любимцем, притом не намеренно, но естественно. Красотой, статью, изысканностью остроумия и манер он привлекал к себе женщин. Неприязательностью и нечестолюбивостью речей усыплял извечную мужскую тревогу-боязнь успешного конкурента. Один лишь Тейман не был околдован чарами чужака. Он бдел над святыми книгами эрцев и искал и находил в них основания своей и братьев правоты. Необъяснимо для себя он угадывал в Нимроде недруга, ибо слышались ему в речах шназа фальшивые ноты либерализма и сомнения в книжных истинах. Замаскированная подозрительность – мать безопасности.

Две важные вещи требовались Нимроду безотлагательно. Во-первых, окрасить цветом знания белое пятно истории между прошлым и нынешним его бытием. Искушенный в учении, ум его быстро впитывал книги и мнения. Политическая мешанина газет становилась понятной. Он ужаснулся пережитой эрцами трагедии, и в нем зародились гордость за страну Эрцель и непреклонная готовность беречь последнее прибежище народа. Во-вторых, овладеть той штукой, в объяснении смысла которой Райлика в свое время не преуспела, и которую она назвала компьютером. И вот уж частая дробь клавиш выдает завидно быстрый успех.

Итак, одна, покончив с дневными трудами, другой, проглотив очередную порцию автодидактики, встречаются ежевечерне на улицах и в кафе Авива.

– А не пойти ли нам в театр? – спросил как-то Нимрод.

– Хорошая мысль, – без воодушевления ответила Райлика.

Она знала, что этого приглашения не избежать. Патриотическое чувство ее страдало от сравнения театральной афиши большого Авива и маленького Уухена.

– Что-нибудь из классического репертуара?

– Хорошая мысль, – повторился унылый ответ.

– Современная обработка древней комедии, – деликатно заметил после спектакля разочарованный гость.

– Смахивает на цирк, публика довольна.

– В другой раз послушаем музыку. Когда будут давать оперу...

– Рондера у нас не услышишь! – перебила Райлика.

– Отчасти можно понять...

“Эрцы в стране Эрцель живут, словно запертые в паровом котле, а клапана нет. Они изнуряют себя погоней за призраками, за фантомами то высшего духа, то земной утилитарности. Для искусства не остается воображения и сил. А разве шназы страны Ашназ не таковы? Возможно и таковы, но театр там и тогда – не в пример лучше. Должно быть, не всякая страна благодетельствована таким достоянием, как театр”, – размышляет доктор Нимрод.

Что-то производит с людьми волшебный воздух страны Эрцель. Скованный робостью в прохладном Уухене, Ним-

род явил неожиданную пылкость в горячем Авиве. Обнимал Райлику за плечи, искал ее руки, а как стемнеет, увлекал деву под сень облюбованного ими старого дерева и, то ли давая волю страсти, то ли усмиряя ее, целовал и целовал свою подругу. А та таяла в крепких объятиях, и мысли и сердце ее улетали к звездам.

Мы побеждаем страсти не оттого, что сами сильны, а оттого, что страсти слабы. В чем причина чудной метаморфозы? Уверенность хозяина родилась, и робости конец? Где Нимрод больше хозяин, а где больше гость – в Уухене или в Авиве? Или свободные нравы заразительны? Есть ли причина, нет ли ее, но твердо знает теперь скептик Нимрод – он любит свою Райлику. А та? Женское сердце, вместилище любви, наполняясь ею, становится невесомым и уносится в небеса.

Не в нашей власти знать, что будет, но чего не будет – порой решаем мы сами. Нимрод не вернется к господину Вайсу и вовек не увидит скромных его дочерей. Он хочет жениться на Райлике, хочет прожить с ней до старости жизнь в любви, ну, скажем, как Луиза и Бернар.

Влюбленные сидят за столиком в кафе. Оба нарядные. Празднуют вдвоем день рождения Райлики. Пьют вино и едят. На столе в вазе – подаренный Нимродом букет белых хризантем. Подходит пожилая дама, присаживается с разрешения. “Детки, я целый час любовалась вами. Мне не хватает денег расплатиться. Выручайте. Я живу рядом, через четверть часа вернусь и верну долг” – протараторила. Получив

от Нимрода деньги, пропала. А вскоре вернулась, положила на стол монеты и перевязанный ленточкой толстый конверт. “Это вам, красивые и добрые детки, на долгую память!” – сказала и вновь исчезла.

Райлика развязала ленточку, открыла конверт, а там сияет новизной шелковый в красную и белую клетку платок. “Это нам на долгую память” – повторила Райлика. Сказавши “нам” – покраснела. Услышавши “нам” – Нимрод обрел вдохновение и решился. Порывистым жестом он схватил Райлику за руку, и выпалил давно заготовленное признание в любви, и просил ее стать его женой. Эстет, он собирался сделать это церемонно и красиво, а вышло так, как вышло. Все му виной воздух страны Эрцель. Ответ возлюбленной был немедленным, и сердце Нимрода воспарило. Жених и невеста поспешили к своему дереву, и целовались, и обсуждали скорую свадьбу.

Торжество вершилось в Авиве. Бейт Шэм, газета, университет – все тут, в авивском зале торжеств. Все гости, разумеется, – со стороны невесты. “Одинокий жених” – шутил с Нимродом Хеврон. Он держался поближе к виновнику торжества, дабы тот не чувствовал сиротства. Пожалуй, новобрачный не слишком нуждался в шуриновом плече. Физиономия его сияла счастливым светом. Страна Эрцель благосклонна к возвращенцам, полюбившим ее: истребляет робость в сердцах и смелостью наполняет их.

Гости из Бейт Шэма чувствуют себя в Авиве в неудобной безопасности. Им привычнее романтика ошетилившегося анклава во враждебном пространстве. Нехорошо также, что мужчины и женщины сидят вперемешку. Косби и Сара щебечут возле Райлики. Рона рада знакомству с Луизой и Бернаром, восхищается дочкой-невестой, словно учительница хвалит ученицу на школьном собрании родителей.

Бернар умиротворен. Две свадьбы подряд. Выдали замуж любимицу. Последний камень остался висеть на шее. Вон он, Тейман, сидит вдалеке, не глядит на новобрачных.

Луиза взволнована. То и дело прикладывает платок к глазам: Райлика уходит из дома. Луиза вспоминает свою молодость, свою свадьбу. Подошла к дочери. “Я хочу, чтобы ты станцевала для меня. А я спою и сыграю” – сказала. Простые люди всегда сентиментальны, ибо сокровенные чувства выражают просто. Бернар подал осмелевшей своей супруге старинный инструмент. Невеста вышла на середину зала. Луиза заиграла и запела на стародавнем языке своих предков, который нынче мало кто из эрцев знает. Шай подхватил задорную песню: “Танцуй, Райлика, танцуй!” И невеста кружилась в танце, счастливая. Повидавшие множество свадебных и прочих торжеств, гости пришли в умиление от необычного пассажа, благодаря которому свадьба эта запомнилась.

После короткого, двухнедельной продолжительности медового месяца, проведенного на морском курорте, новоиспеченные супруги Ламм поселились в нанятой ими в Ави-

ве квартире. Праздничная суматоха осталась позади, но в неумемной коловерти молодости и будни – праздник.

Райлика вернулась в газету и в университет. Верный слову, Мики привел Нимрода в штаб-квартиру Левой партии и представил своему патрону. Беседуя с молодым кандидатом в работники, пронизательный чиновник пришел к заключению, что перед ним – перспективный и ценный материал. Субъективная оценка способна добавить вещи ценность. Тогда и цена вещи растет. Нимрод был принят в сонм сотрудников без обычной волокиты, притом вовсе не на ту должность, которую прочил ему заинтересованный покровитель, а куда как выше. Шипы тревоги и зависти впились в сердце Мики. С этого дня Нимрод вступил на короткий путь борьбы и преуспевания.

Свиток теперь хранится в доме Ламмов. Райлика не вполне понимает значение этого испещренного древними письменами пергамента, этого феномена в истории эрцев. Нимрод, полагая себя сведущим, взялся просветить юную супругу.

“Свиток спасения вобрал в себя откровения из святых книг и книг мудрецов. Свиток – как маяк, что указывает на берег спасения эрцев, тысячелетиями скитающихся в море бедствий. Необычен огонь этого маяка. В разные времена и разными людьми виделся и видится свет его то с одной, то с другой стороны. Не раз уж сбивал он людей с толку и не к

спасительному берегу приводил их, а к новым мукам. Но что бы ни случилось, эрцы верят в спасение, и корень этой веры – благость избранничества, которое им важнее любви, важнее богатства, важнее всего на свете. Коли мы избраны богом, стало быть, спасены будем непременно! Все эрцы едины в том, что спасение есть решительная перемена к лучшему, но лучшее эрцы понимают по разному.

Люди пойдут за теми, кто владеет Свитком. Как убедить людей, что Свиток в наших руках? Показать его? Нет! Глазам своим люди не верят, им дела подавай! А вернее, успех в делах. Успех – вот мерило правоты. Вот и мы с тобой, Райлика, и наша Левая партия успехом должны доказать правоту. Братья твои тоже хотят спасения эрцам, но если, боже сохрани, успех придет к ним и к их Правой партии, – не миновать беды. Мы победили на выборах, и это первый шаг. Сделаем еще несколько твердых шагов, и тогда без опаски выглядеть лжецами во весь голос провозгласим, что Свиток у нас. И нам поверят, и нас поддержат, и принесем эрцам спасение!”

Райлика с восхищением слушала длинный монолог возлюбленного своего супруга, и обожание застилало смысл слов и превращало их в непреложную истину. Однако, позволила себе мысленно не согласиться с тем, что есть нечто, что важнее любви, хотя бы этим нечто было избранничество.

Глава 8 Свиток

Итак, бывший главный военачальник армии эрцев, завоеватель земель, что простираются за серой линией, многи-

ми почитаемый и многим ненавистный, главалевой партии стал Первым министром. Великими трудами, искусными маневрами и досадными компромиссами, опираясь на верных врагов и обходя козни друзей, он собрал вокруг себя пестрое правительство, назначив десятки министров из числа избранных народом скрытых праведников.

С герами был заключен мирный договор: они не станут более воевать страну Эрцель и досаждают ее народу, а взамен эрцы вернут им земли за серой линией, и горы назовут эти земли своей страной. И воцарится мир.

– Безумцы! С кем заключили договор? Доверять слову нецивилизованных варваров? Безумие становится повседневностью! – вопиют любящие войну.

– Мы сами воспитаем достойного партнера, а вы не хотите мира! – отвечает Левая партия.

– Безумцы! Не отдавайте землю! Наши поселения – форпост и страховой полис страны! – возвышают голос жрецы и коноводы поселений за серой линией.

– Безумцы обыкновенно говорят правду, а я знаю вашу ложь и вашу суетню! Хоть пропеллерами крутитесь, но я поступлю по воле большинства! – отвечает Первый министр.

Тяжек путь страны Эрцель к миру с соседями. Спину и плечи левой партии оттягивает проклятый короб грехов. Миротлюбцы опасаются, что испытанные вожаки приведут их к краю пропасти. На счастье эрцев появился новый человек,

неизвестный никому прежде Нимрод Ламм, ничем не запятанный в обозримом прошлом. Свежая кровь.

Полгода трудов в партийном штате – и Нимрод стал лучшим сочинителем речей для ораторов своей партии. Да что там сочинитель речей! Окрыленный, он сам начал выступать перед людьми и преуспел выше всех похвал и уж почти не уступал в этом искусстве Первому министру. А тот, довольный, пригласил его вместе с Райликой к себе в резиденцию, обласкал обоих, обнял по-отечески, сказал, что любит их и признался, что завидует их молодости.

Как ни странно, но безупречный эрцит Нимрода завоевывал больше симпатий, нежели нарочитый разговорный сленг его коллег. Красное слово в устах влечет и убеждает, обуздывает и вразумляет. Редкий в стране Эрцель шназский выговор склонял к доверию: “Этот не наш. Похоже, не врет”. Молодость и отсутствие в биографии политических корней возвышали его в глазах адептов.

Мики Парицки, который выдвинул Нимрода на авансцену политики, а прежде того взявший обязательства блюсти объективность и не питать недобрых чувств к чужаку, теперь корил себя за поспешность. Райлика безмерно гордилась супругом, но ревновала к его увлеченности. Чтобы полнее слиться с ним, раствориться в нем и растворить его в своей любви, она вникала в его занятия. Ее любящее сердце приписывало Свитку магическую силу. Она верила, что именно Свиток вознес Нимрода, и Свиток хранит его. Потти-

хоньку от мужа она вчитывалась в письма, запоминала, а затем вставляла в газетные заметки то одну, то другую цитату. “Я употребляю Свиток для нашего дела, и вот, успехов все больше, и скоро мы объявим громогласно, что владеем Свитком, и все-все эрцы присоединятся к нам, и снежной лавиной явится спасение, и конец борьбе!” – говорила себе Райлика.

В семье Сары и Гилада поселились радость и тревога. Ждут пополнения. “Жаль, что это неизбежно дойдет до Алекса, причинит ему боль” – думала Сара. Беременность была тяжела ей. Саре поневоле пришлось оборвать цепь удач в страховой конторе мужа – до иных времен. Теперь она дено и ночью пребывает в Бейт Шэме. За ней присматривают Косби и Хеврон. Регулярно Гилад возит жену в Авив показывать врачам. Часто будущие молодые мама и папа навещают Луизу и Бернара и Райлику с Нимродом.

Встречаясь, Гилад и Нимрод не спорят, ибо спор – война без стрельбы. Они с разных полюсов взирают на мир. Понимают, что диспут не сведет и не разведет их. Новичок, Нимрод интуитивно нащупал традицию страны Эрцель: семейная арена – не для идеологических сражений. Вслух шутят друг над другом, оба смеются, но каждый себе на уме. Якшание между ними – это ясный безветренный день, с высокими белыми барашками, почти не заслоняющими солнце.

Другое дело – жены политических борцов. Продолжая ме-

теорологические сравнения, отметим ветер слабый до умеренного, передвигающий по небу серые облака. Поначалу Райлика и Сара влюбились друг в друга. Беременность старшей пробудила сочувственный интерес младшей. Но Райлика не одобряла занятия невестки нечестным, как ей казалось, страховым делом. Настораживала ее эластичная биография уроженки Хорфландии. Возможно, прямолинейность молодости рождала недоверие. Однако, ветер гнал тучи по небу с другой стороны. И Сара и Райлика не столько идеями мужей своих, сколько ими самими дорожили. Абсолютная солидарность проистекала из чувств. Каждая по-своему видела в муже смысл своего бытия. В непримиримости воззрений, над которой мужчины шутили, женщины подозревали угрозу шутникам, и каждая смутно опасалась ущерба своему сокровищу.

Гилада тревожили нарастающие успехи левых и Нимрода в том числе. Бросались в глаза характерные цитаты в газетных заметках сестры. “Не привез ли дражайший мой зять Свиток из страны Ашназ? Ведь если, боже сохрани, попадет Свиток в нехорошие руки, он служит делу зла. Необходимо действовать. Промедление опасно!” – так думал Гилад и всякий раз, когда бывал в гостях у Райлики и Нимрода, все присматривался да прислушивался.

Как провожают в стране Эрцель выходной день? Расставят вокруг во дворе возле дома пластиковые стулья, и усядут-

ся на них все семейство и гости. Круг большой, чтобы была причина говорить громко. Внутри круга или вне его стоит пластиковый же стол, а на нем – корзинки с семечками и орехами, тарелки с фруктами, бутылки с водой и соками и стаканы тут же. Взрослые переговариваются то лениво, то горячо, дети создают шумовой фон.

В Бейт Шэме, как и в стране Эрцель, любят посиделки. Вот в саду дома Хеврона расположились Сара и Гилад, Итро и робкая его супруга, Тейман и, конечно, хозяйева – Косби и Хеврон.

Собрание почти семейное. Верные, лучшие из эрцев тут. Соль земли. В воздухе тревога. Левые грозят миром. Планы их катастрофичны. Отдать герам землю! Святую землю! Господь завещал ее своему народу и не простит предательства. Только левые безбожники способны на такую гнусность. Отнять у эрцев мечту о спасении! Как не допустить до беды?

– Я знаю левых, я знаю, что за моторчик стучит в груди левака! Сердце его пусто. Опасность реальна, но отвратима, – открыл дебаты Гилад.

– Главное – это земля! Безумие потакать герам. Пришельцы эти должны чувствовать себя нежеланными и лишними. Но самые чужие – это чужестранцы, что живут среди нас, – прибавил Тейман, и в глазах его блеснула сталь.

– Я знаю из святой книги: эрцам следует любить пришельцев, ибо сами они были пришельцами. И прозелитам положена любовь эрцев, – заявила Сара и глянула сначала на Ко-

сби, ища сочувствия, затем перевела взгляд на мужа, уверенная в поддержке.

– Здесь требуется толкование, – вступил в разговор Итро, глядя почему-то не на Сару, а на Гилада, – благородная эта мысль верна в положении, когда эрцы – хозяйева на своей земле, и когда их земля – это их земля, и сила на их стороне. Великодушие – прерогатива сильных. Мы обрели силу. Когда наберемся духу применить ее и до конца обретем завещанное нам, тогда, Сара, посулим ласку пришельцам, – сказал Итро, по-прежнему взирая на Гилада.

Жене Итро разговор был мало интересен. Она пыталась управлять детьми и не допускала опорожнения тарелок. Когда говорил муж, она придавала лицу выражение внимания и согласно кивала головой.

– Моя заокеанская страна стала великой благодаря пришельцам, – заметила Косби.

– Мы приехали сюда из-за океана, чтобы вернуть страну Эрцель эрцам, а не отдать пришельцам, – возразил Хеврон негромко, как бы обращаясь к самому себе.

– Ты прав, Гилад. Если нет бога в сердце – оно пусто, и ничего не свято, – вернулся к началу дебатов Тейман, – Парицки опасен прагматизмом, трактует о выгоде. Но Ламм опаснее, он худший из лжецов. Сеет гуманность в чувствительных душах. Разве ведомо ему, что просвещенная страна его стала палачом народа эрцев? Он перепрыгнул через историю, не знает нашей трагедии. Этот изысканный шназ

слишком многим кружит голову. Сумасшедшему в образе пророка верят. За ним идут, словно в его руках Свиток. Безрассудство распространяется с быстротой чумы! – горячо и непривычно длинно проговорил Тейман.

– Боюсь, ты прав касательно Свитка, – заметил Гилад.

– Нимрод далеко не невежда! – вступилась Сара, и Косби поддержала.

– Геры убивают тело, прекраснодушные гуманисты-атеисты хуже – они убивают душу эрца. Таких карают в этом мире. И за проступок, и за намерение. Того требует баккара! – добавил Тейман.

– Не только баккара! Наши ясновидящие жрецы намекают на кару! – выкрикнул Итро.

– Нимрод не атеист! – воскликнула Косби.

– Разве что оттого, что и у атеистов имеется собственная религия? – с усмешкой заметил Тейман.

– Власть своих безбожников хуже власти чужого народа, – добавил Итро.

– Доморощенных богоборцев следует использовать для наших целей. Их гужевую силу направим на постройку и защиту поселений, вроде Бейт Шэма, – сказал Гилад.

– Их трудами приблизим спасение, а придет оно, и воздаяния грешникам этим не видать. Пусть себе говорят, что перехитрить можно кого-то одного, но не всех на свете. Мир думает: поселения страну обороняют, но мы то знаем: они ее завоевывают. Шаг за шагом. Акр и еще акр! – воскликнул

Итро.

– Остановим любой ценой, – пробормотал Хеврон.

Стемнело. Гости разошлись. Хеврон сосредоточен, хмур. Составил стулья горкой один в другой. Косби унесла остатки со стола. Зазвенел телефон.

– Косби, у меня срочный вызов. Ребенок без сознания. Я еду.

– Где беда? В Бейт Шэме или у геров?

– Ребенок в опасности!

Косби смотрит вслед автомобилю. “Он мрачен. Что у него в голове? Зачем привез меня в эту страну?”

Гилад выкрал Свиток. Вот как было.

Райлика обнаружила, что после визита Сары и Гилада сейф не заперт и пуст. Вспомнила, что до прихода гостей сидела в своей комнате, читала Свиток. Ключ от сейфа покоился в кармане блузки. Постучали в дверь. “Это они” – подумала и крикнула: “Будь добр, Нимрод, открой гостям!” Сама же поспешила убрать Свиток в сейф, собралась достать из кармана ключ и замкнуть железную дверку, но тут зазвонил телефон. Она ждала звонка из редакции. Кинулась к телефону, ключ остался в кармане.

Сара и Гилад находились в гостиной с Нимродом. Сара уже на сносях. Внезапно почувствовала сильную головную боль. Пока Нимрод помогал ей лечь, Гилад принялся искать сестру по всем комнатам. Боль отступила быстро, однако

Гилад заторопился: “Немедленно едем домой!” Гости мгновенно собрались и уехали, решительно отвергнув просьбы остаться. Райлика ощутила тяжесть ключа в кармане, бросилась к сейфу и увидела то, что увидела.

“Вовремя заболела голова у хорфландки!” – мелькнуло в голове у Райлики. Тут мысли отступили. Стало худо. Холодные пальцы, холодный пот, холодное железо, холодная пустота. Нашупала стул. “Хорошо, что Нимрод ушел по делам” – с изрядным перерывом пришла следующая мысль. А слезы не пришли.

Райлика вспомнила, как Нимрод, распаясь, сказал ей, что Свиток – его свадебный дар. Она урезонила его: Свиток – наследие народа, он слишком велик, чтоб служить подношением любви. Нимрод признал, что погорячился, но сладкий след остался в сердце Райлики.

Пришла беда, и с ней тяжкие предчувствия худших бед. Свиток для Райлики – это свеча ее жизни, свеча его жизни, свеча их любви. Погасла свеча, и чего ждать?

“Отныне Гилад злейший враг мой, свечу погасивший! Восстанет мститель из пепла мечты! Узнает Гилад, какова месть Райлики, все узнают, какова месть Райлики!” – думала она высокопарно, и невольно сжимались холодные кулаки.

“Хорошо еще, что за делами и заботами Нимрод не вспоминает о Свитке. Пусть подольше не знает о пропаже. Я не в силах признаться. Как дальше жить? Ложь между нами!”

“Я должна быть сильной. Не с кем советоваться. Кто помо-

жет? Почему я не верю в бога? О, любимый Нимрод! Сердце трепещет в страхе!”

О новом месте хранения Свитка знают четверо: Хеврон, Гилад, Тейман, Итро. Теперь драгоценное достояние эрцев спрятано надежно. Посвященные в тайну поклялись свято хранить ее и беречь Свиток больше жизни. А еще решено было, что если трое из четырех потеряют жизнь или свободу, то оставшийся найдет верного человека и доверит ему тайну, дабы не случилось, что с гибелью последнего гаранта спасения священный Свиток будет утрачен для народа эрцев.

Глава 9 Хеврон

Бурлит, кипит страна Эрцель. Правые не допустят до беспрецедентного в истории эрцев преступления перед богом. Гнев, хитрость, деньги, а дойдет до крайности, то и огонь и свинец пустят в ход истые избранники и истинные патриоты. Новая надежда засветилась над сумрачным небосклоном потесненной Правой партии. Факел доставлен из-за океана бывшим бойцом элитного войска страны Эрцель, потомком элиты этой страны, который в трудную для нее минуту достойно назвал себя гордой крупницей черни и радетелем ее пользы. И вот, он вернулся на родину и стал новым вождем Правой партии.

Нет ничего в мире быстрее человеческого ума, он в вечном стремлении к деятельности. Опасность – и он становится остер и изобретателен. Если не впрок демонстрации шум-

ные – надо превратить их в оглушительные! Если не будоражит более карикатура на Первого министра – надо смонтировать портрет его в облики палача! “Напомним ему о пропеллерах!” – усмеваются портретоносцы.

Читают, слушают, думают генералы гвардии спасения. Трактуют, толкуют, разъясняют жрецы подлинной веры. Последние намекают открыто и провозглашают тайно.

Вода камень точит.

Новообращенные левые начинают вновь задумываться и колебаться. Колеблющиеся поддаются очарованию децибелов правоты и к носителям ее примыкают. Примкнувшие пополняют ряды новообращенных правых.

Нет ничего в мире инертней человеческого ума. Он пребывает в покое, и трудно сдвинуть его. Уж и Свиток перекочевал к правым, но большие успехи не спешат приходить к ним. Знают их верховоды и жрецы: чтобы произвести переворот в головах, требуется много терпения, усердия, труда, а то и драматических деяний.

Сара Фальк родила девочку. Здоровый и крепкий младенец. Велико ликование новоиспеченного отца. Былая скрытность Гилада в части романтической стороны его существования хоть и проистекала из благородства души, однако и ипохондрия была причем. “Я великовозрастный, а безжесткий. Не думают ли люди, что ущербный я? Того и гляди, станут вопрошать намеками и намекать вопросами, будут да-

вать советы без спросу, досаждают сочувствием, грозить помощью!” Как женился на Саре – распрямылся душой. Супруга понесла – и гордился увеличивающейся медленно, но неуклонно полнотой ее фигуры, словно мастер, убеждающийся всякий раз в непреходящей силе своего творения. Родилась дочь – и стал выше ростом, хотелось петь, советовать, сочувствовать. “Я не хуже, я равный!”

Саре дитя досталось тяжело. После родов была слаба, и врачи предсказывали не быстрое возвращение сил. Луиза и Бернар радовались новой внучке больше, чем отпрыскам Хеврона. Почему? Во-первых, малютка – это семя засидевшегося в холостячестве сына. Во-вторых, они любили и жалели Сару, а Луиза еще и винила себя за несправедливые мысли о ней. Ну, а в-третьих, и в главных, они и сами не знали почему. Гилад – добытчик, делец и деятель – днями-вечерами пропадает в конторе, у клиентов и по делам народной пользы. И бабушка с дедушкой ринулись в Бейт Шэм выручать сноху. И старший сын доволен, ибо и его чадам достается доля любящего внимания.

Радостная весть пришла в дом к хорфландским родителям. Рождение внучки отец Сары великодушно одобрил, но сопутствующие обстоятельства не приемлел с неизменной стальной твердостью. Зато мать признавала лишь главное, то есть долгожданное и счастливое событие, наконец-то случившееся. С радостью и тревогой в сердце засобиралась в дорогу – нянчить новорожденную и выхаживать дочь. Впопы-

хах набрала старый телефонный номер, и ей ответил Алекс. С первых же слов Алекс понял то, что скрывала от него Сара. Поняла свою ошибку и бывшая его теща. Быстро и неловко окончился разговор. Сара огорчилась, узнав. “Неизбежного не миновать!” – вздохнула.

Приезд хорфландской бабушки создал проблему коммуникации в доме. На Сару легла обязанность переводчицы. С некоторой обидой, но и с полным сознанием ее неосновательности, Луиза и Бернар вернулись в Авив.

Пожилой женщине не тяжелы были труды у дочери, но не давалась привычка к новому ее имени, звучание коего в Хорфландии обыкновенно вызывало известную напряженность и юмористические ассоциации. Имя “Диана” то и дело срывалось с материнских уст.

Третью неделю подряд резервист Хеврон Фальк пребывает на армейских сборах. “Неужто не будет с тебя врачебной военной специальности?” – вопрошает Косби. “Я бывший сержант и не собираюсь терять боевую форму!” – достойно отвечает Хеврон. Каждое утро, пробудившись с рассветом, он облачается в солдатское одеяние и, автомат на плече, садится в машину и едет на базу, к которой приписан. В изнурительных тренировках тщетно, но упорно старается не отставать от молодых. Напрашивается в самые опасные патрули за серой линией, а вечером, усталый, не отказывается выезжать на срочные вызовы.

Этим утром Хеврон Фальк проснулся с мыслью, что настает его великий день. День, который подведет итог дням его жизни. День, что станет судьбоносным для страны и земли Эрцель. День, назначенный увековечить его имя в памяти разумных и благодарных эрцев. День, призванный вернуть его народ на арену истории. Так, отдавая должное пафосу, думал врач и солдат.

Живя за океаном, Хеврон привык молиться второпях. Но сегодня творил молитву ретиво и, произнося слова отчетливо и проникновенно, являл абсолютную и безоговорочную лояльность тому, к кому обращал свою речь. Собираясь в дорогу, размышлял.

“Свиток у нас, но события по-прежнему скользят по левой колее злонамеренной власти. Господь перстом своим указал на меня, удостоил счастьем совершить деяние, которое поворотит левоверные головы в правую сторону. Тогда и Свиток станет подлинно наш!”

“Левые преуспевают. Геры заманивают страну в ловушку. Какое уж там спасение!? Новых земель не приобретем и завоеванные утратим. Хорошо еще, что не все геры наивны, как наши левые. Благословляю ненависть геров к нам. Необходимо расшевелить их инстинкты!”

Хеврон зашел в спальню. Поцеловал Косби в лоб. “Не проснулась, это хорошо”. Дети под утро спят крепко. Каждому, по порядку старшинства, достался отцовский поцелуй. “Пора ехать. Благослови меня бог”.

Светаёт. Хеврон сел за руль. Сумку и автомат положил на сиденье справа. Час дороги до базы. Час раздумий. Имеющий силу признаваться обретает успокоение.

“Ах, Косби, я бывал несправедлив к тебе. Я эгоист, я знаю. Я редкий гость в нашем доме. Я скрытен. Я слишком мало думал о тебе. Что можно изменить сейчас?”

“Я знаю, Косби, ты не сомневалась в моей любви. За это благодарю. Я помню тебя невестой. В твоей семье не только не молились, даже праздников наших не знали. Заокеанские эрцы! Уступая мне, стала блюсти традиции. Без веры, но и видимость важна. И за это тоже благодарю. Ты считаешь меня фанатичным. Пусть ты права. Народ хранят его фанатики”.

“Мне не страшно, Косби. Вера – вот мой транквилизатор и мой адреналин. Как врач говорю. Я – почти мессия. Жизнь мою господь оценил высоко, приравнял к великой цели. Он уповаet на достойного. Свершивший станет святым. Мне не страшно, Косби!”

Вот и база. У ворот поджидает патрульный джип.

– Заждались тебя, Хеврон, – гаркнул из джипа командир патруля.

– Медленно ехал, – ответил Хеврон.

– Все думаешь, мыслишь?

– Есть о чем.

Хеврон пересел в джип. Машина рванула с места. Двинулась в направлении деревень геров, вглубь за серую линию.

– Ты бледен сегодня, Хеврон!

– Тебе кажется.

– Боюсь, что нет. Ты в порядке?

– Пожалуй, глотну утренней прохлады. Я выйду здесь. Я посижу. Тут не опасно. Вернетесь из деревни – заберете меня.

– Будь по-твоему.

Хеврон вышел, уселся на землю. Джип тронулся.

– Нельзя терять его из виду. Заедем за тот холм и будем наблюдать, – сказал командир водителю.

– Луиза, Луиза! Сюда! Немедленно! – раздался вопль из гостиной.

– Что случилось, Бернар?

Испуганная Луиза, как могла быстро, вбежала в открытую мужем дверь гостиной. Никогда прежде она не видала мужа в таком иступлении.

– Слушай! – крикнул Бернар, указывая на телевизор. На экране крупным планом вырисовывалось гневное лицо Первого министра. Он заканчивал краткое экстренное обращение к гражданам страны Эрцель: “Хеврон Фальк – наша беда и наш позор!”

– Боже мой! Бернар! Что это значит? – заголосила Луиза. Слезы брызнули из глаз.

– Что-то страшное произошло! Я не знаю. Включил телевизор минуту назад!

– Что с ним? Он жив?

– Не знаю ничего! Едем в Бейт Шэм! Я не могу вести машину, руки дрожат. Одевайся, я вызываю такси.

Шофер такси непривычно молчал. Он догадывался, кто есть его пассажиры, эти плачущие старики. По радио звучала истерическая патетика предводителя геров, коего Левая партия прочила в партнеры страны Эрцель и воспитывала для этой цели. “Люди, спасите мой несчастный народ! Геры избрали мир и жизнь, эрцы ответили войной и смертью! Защитите мой бедный народ!” – разрывал эфир скорбный крик.

Весь клан Фальков собрался в доме и во дворе дома Хеврона. Здесь же Нимрод, Итро, соседи. Двор не вмещает всех. Плач и стон до небес. Телевизор и транзисторные приемники. Запрещение армейской цензуры на публикации. Район объявлен закрытой военной зоной. Журналисты со всего света тут как тут и с часа на час ждут отмены всяческих запретов. Мировая пресса, сильнейшая власть на земле, любит страну Эрцель – непересыхающий источник новостей.

Трудно в точности знать, что происходит, но ясно, что свершилось непоправимое, и горе пришло в дом и навсегда поселилось в нем. Косби в окружении детей, устала от слез. Эрцит покинул уста, говорить могла лишь на языке безоблачного заокеанского детства.

Гилад, Тейман и Итро держались вместе. На физиономиях написана заговорщическая важность. Они вполголоса обме-

нивались редкими многозначительными фразами, как люди, знающие больше прочих. Казалось, время от времени по лицам их пробегала тень страха.

Луиза и Бернар льнули к Косби и внукам, гладили детей по головам. Слезы не высыхали на старческих щеках.

Райлика и Нимрод сидели рядом, прижавшись друг к другу. Взгляд Райлики застывший, скорее тупой. Иногда глаза ее оживлялись и непроизвольно и недобро – зырк в сторону братьев. Полная страха, она цепко держала руку Нимрода, и до судорожности крепко сжимала ее, останавливая всякую его попытку сдвинуться с места.

Сара и мать ее с малюткой на руках сидели чуть поодаль. Сара, не новичок в стране Эрцель, могла строить догадки о том, какой и откуда грянет гром. Заботило ее, как объяснить дело испуганной матери. “Сможет ли эта добрая женщина уложить в своей старой голове чуждые и непонятные страсти? За что ей такая доля?” – думала Сара, жалея мать.

Ночью была отменена цензура. Утренняя газета открывалась статьей Роны Двир, озаглавленной словами Первого министра: “Хеврон Фальк – наша беда и наш позор”. Рона писала, как вчерашним ранним утром резервист Фальк никем не замеченный вошел в стоящий неподалеку от дороги молитвенный дом геров, собравшихся там во множестве для утренней молитвы. Спрятался за колонной у входа. Молящиеся обращены к нему спиной. Он вставил магазин с патронами в автомат и стал стрелять в людей. Кончились патроны, и он

тренированно быстро сменил магазин и продолжил деяние. И так – несколько раз. Люди обезумели от ужаса. Стены и пол залиты кровью. Два молодых гера первыми достигли выхода, увидели стрелявшего, обезоружили, повалили на пол. Началась расправа. Примчался патрульный джип, находившийся неподалеку. Прибыли вертолет и пехота. Тело Фалька спасли. Десятки убитых геров – кровавая жатва дня. “Почему, – вопрошает Рона Двир, – врач, спасавший детей, убивал их отцов?” И сама отвечает: “Он хотел остановить мир и начать войну, полагая в ней путь к спасению эрцев. Это ложный путь. Не наш путь. Большинство народа страны Эрцель думает, как я. Верю. Хочу верить”.

Похороны Хеврона Фалька стали самыми многолюдными похоронами в Бейт Шэме за всю недолгую историю этого поселения. Мужчины и женщины, стар и млад, весь Бейт Шэм и эрцы из прочих мест за серой линией, единомышленники из Авива удивительно большим числом – все они собрались вместе, чтобы попрощаться с детским доктором и героем и восславить его. “Как пугающе много сторонников! Совладаем ли с легионом? Рона пишет одно, а здесь говорят другое. Чья точка зрения истинна? Точка зрения власти?” – думал Нимрод.

Когда ритуал был завершен, и родственники покойного – плачущие женщины и угрюмые мужчины – направились к дому, который прежде звали домом Хеврона, один из жре-

цов подошел к Бернару и, пожав ему руку, сказал: “Господин Фальк, вы воспитали достойного сына патриота. Пусть в вашем сердце гордость займет место скорби”. Бернар отпрянул от ободрителя и сострадальца, добавившего горя к горю.

Семья Фальк ушла, но люди не расходятся. Итро сказал, что вот, подлинный праведник ушел навсегда, но память о его деянии эрцы должны сохранить в сердцах. Другой жрец добавил, что не только в сердцах людей, но и перед глазами их должна жить память. Установим обелиск на главной площади и выбьем на камне надпись в назидание новым поколениям эрцев. И люди сделали денежный сбор и жертвовали щедро, как никогда. Третий жрец посетовал на новое поколение, дескать, чересчур много безбожников, и безразлично им спасение народа. “Как и мы с вами, – утешил его Итро, – также и в бога неверующие больны сладкой верой в избранность. И потому они скорее с нами, чем против нас, и числом и мощью своей вывезут нашу колесницу к вожделенному спасению”.

Глава 10 Нимрод

К тому времени, когда Сара родила Гиладу первое дитя, у сверстника его Итро росли пятеро ребятешек, и тихая скромная супруга его была беременна шестым. Итро Окс не был уроженцем страны Эрцель. Родители, эрцы, пожелали воссоединиться со своим народом и прибыли издалека, и с ними их чадо – восьмилетний Итро. В те годы страна Эрцель была слишком молода и не слишком богата, чтобы ста-

вить на ноги своих новичков. Отец и мать работали с утра до ночи, торопливо кладя кирпич за кирпичом в стены здания желанного благополучия. Поглощенные затягивающим и изнурительным этим занятием, не имея досуга для отрока и полагая, что лучшее правило воспитания – не слишком воспитывать, они определили его в интернатную школу. В праздничные и выходные дни Итро присоединялся к отцу с матерью, утешая, радуя и подавая надежды, а прочее время пребывал в школе вдали от дома.

Оксы разделили общую судьбу семей переселенцев. Под ярмом труда, сулящего лучшую долю, отягченные старым опытом и чересчур долго безъязыкие, невосприимчивые к новизне, вернувшей их на нижнюю жизненную ступень и заставившую вновь карабкаться вверх, взрослые утрачивают престиж наставников в детских глазах. По чистому пишется быстрее и прочней, чем поверх написанного. Юный ум живо впитывает начала опыта. Становясь безраздельным авторитетом, новые искусные учителя выуживают детей из семейного тупика. Хорошие лошади выйдут и из диких жеребят, если их правильно выездить. Пройдет несколько недолгих лет, и родители поймут, что наследники ничего не наследовали.

Школа, в которую Оксы-атеисты отдали учиться Итро по совету случайного знакомого, оказалась религиозным заведением. Учителя добры, товарищи неожиданно не злы к новичку. Быстро овладевая языком, Итро стал делать успехи.

Мудрость святых книг эрцев давалось ему хорошо. Он охотно принимал на себя бремя праведности и отлично усваивал утилитарный смысл, что в строке и за строкой. Учителями Итро были жрецы. Школа принадлежала к важной в стране Эрцель корпорации религиозных ее жителей, во главе которой стоял жрец по фамилии Ках.

Руководящая идея жреца Каха состояла в создании внутри страны Эрцель добровольного гетто из богобоязненных эрцев, которые живут праведно, ревностно соблюдая заповеди. Ках признавал законным только один вид труда для мужчин своей корпорации – читать самим и разъяснять другим святыне книги, глубины мудрости которых он полагал доступными без исключения всем. Прочие виды деятельности, включая военную, презирались, и соблазняявшиеся ради заработка подвергались гонениям внутри сплоченной общины. Как и все эрцы, Ках мечтал о спасении народа, но осуждал стремление ускорить его суетой рук человеческих, ибо спасение доставит бог. Ках не был ретроградом или мелочным тираном, гасящим искру свободомыслия. Скажем, одяние мужской половины его корпорации хоть и отличалось единообразным фасоном двухвековой давности, но, в то время как часть мужчин вправляла штанины черных брюк в носки белого цвета, другая же их часть была привержена черным носкам. “Эрцам, избранникам божьим, нельзя походить на прочие народы. И в одежде эрц должен выделять себя!” – говаривал Ках нижестоящим в жреческой иерархии.

По достижении брачного возраста – восемнадцать лет по неписанным правилам корпорации – Итро, при деятельной помощи общины и с немого благословения родителей, был оженен на бедной и безгласной девушке, воспитанной в духе почитания мужа и послушания ему.

Итро не лишен честолюбия. Ему хотелось деятельности и успехов. Жаль, что трудолюбие его не получило развития в рядах корпорации Каха. Молодой Окс рвался на волю. В детстве он успел глотнуть иных, не святых книг, и, вспоминая кое-что, прозвал своих товарищей белоносочниками и черноносочниками. И вот, Итро решается на драматический шаг. Он оставляет Каха и переходит в другую корпорацию, которую возглавляет жрец по фамилии Шук. Так началась дружба Итро с братьями Фальк, тоже сторонниками Шука.

Великой целью Шука являлось возвращение земель за серой линией ради приближения часа спасения, достигаемого умами верующих его адептов и руками безбожных эрцев. Не только в отношении к спасению, но и в других отношениях различались воззрения Шука от воззрений его идейного антипода. Шук поощрял труд, в том числе и дозированный военный. Члены корпорации Шука, пребывая за серой линией, например, в Бейт Шэме, любили обувать сандалии и надевать рубахи в клетку. Впрочем, отношение Шука к одежде отличалось либерализмом. Корпорации не были дружны между собой, скорее враждовали. Главы же их, жрецы Ках и Шук, ни речами уст, ни словом печатным, никогда и нигде

не упоминали друг о друге, словно соперника не существовало вовсе. Не замечать – сильнее, чем опровергать чужое и утверждать свое.

Умный читатель святых книг научается понимать, каким образом зацепляются друг за друга колесики в механизме человеческой души, и знает, на какие пружинки следует нажимать, чтобы колесики эти поворачивались в нужную сторону. Иными словами, древние тексты выучили Итро Окса на хорошего психолога-практика. Он умел нравиться, примирять, подстрекать. Райлика, страшившаяся фанатизма братьев, почитала Итро за либерала меж ними и неосознанно доверяла ему.

В стане жреца Шука Итро нашел приложение своему дарованию. Он сделался влиятельным человеком в благословляемой Шуком Правой партии, прослыл признанным мастером тактики. Подвиг Хеврона Фалька хоть и не пропал втуне, но войны не разжег и левых не отчаял. Неунывающий Итро выдвинул план: диспут наподобие средневекового. По замыслу, диспут между правыми и левыми предполагался на главной площади Авива, при огромном стечении эрцев. А после диспута – плебисцит, который определит судьбу мира с герами. Идея получила народное признание, и обе стороны, каждая рвется к победе, начали подготовку. И никому не ведомо было, что творец плана, объявленного публично, имел в голове еще один план, но тайный.

Поздним вечером Шай Толедано сидел в своем маленьком редакторском кабинете и тяжело ворочал усталыми мозгами. Изнурительные для прессы дни. Буря политической борьбы разыгралась не на шутку. Поспеть, увидеть, услышать, прочитать, написать. Не хватало дня. Теперь и вечера не хватает. Шаю, как и прежде, близки правые идеи, хоть и не все. Деяние Хеврона Фалька грузом легло на совесть. “Безумие пожирает здравомыслие” – размышлял Шай. Он полон почтения к Первому министру, в испытаниях стойкому, как оловянный солдатик. “Кажется, я раздваиваюсь!” – думал.

Вошел Мики Парицки.

– Приветствую тебя, боевой товарищ! Ты на посту в столь поздний час! – проговорил вошедший.

– Рад тебе, дружище! Принес материал?

– Какая же еще причина сведет двух психов ночью в редакции?

– Клади рукопись на стол. Посмотрим завтра. Садись, я сварю кофе.

– Кофе? Хорошо. Не иначе, хочешь занять гостя беседой!

– Хорош гость! Хозяином обосновался у нас.

– Шай, нет времени рассусоливать. Разливай кофе, да выкладывай поскорей.

– Что ты думаешь о диспуте и плебисците, Мики?

– Чудный шанс для звезды господина Ламма блеснуть на авивском небосводе.

– А если серьезно?

– Не потерять бы истину в излишних спорах! А так, я – как все наши: жду и надеюсь.

– Хорошо, что упомянул Нимрода.

– Как не упомянуть его? Он свел с ума страну Эрцель.

– Довольно иронии.

– А ты переходи к делу.

– Мики, день диспута совпадает с религиозным праздником. Это плохо. Я информирован. Правые и люди Шука будут слишком возбуждены. Есть горячие головы. Дело может принять дурной оборот.

– Вече под охраной тысяч полицейских. Чего же еще?

– Я думаю, следует перенести диспут на другой день.

– Я пешка! Скажи Нимроду!

– Я говорил ему! Предупреждал, что есть опасность лично для него.

– И что же?

– Он рассмеялся в ответ, сказал: “Угрозами меня не запугать!” Молодой, наивный, упрямый шназ!

– Предоставь дело Райлике.

– Говоривши с Нимродом, мне теперь невозможно обращаться к Райлике.

– Боишься, Нимрод догадается, что ты думаешь, что он подкаблучник?

– Я так не думаю...

– Что вам угодно от меня, господин Толедано?

– Остереги Райлику, скажи, что многие ненавидят Ним-

рода.

– Да ведь нет опасности! Фантазируешь!

– Мики, это важно. День диспута надо менять. Я на тебя надеюсь.

Мики принял задумчивый вид. Шай расценил молчание друга, как знак неохотного согласия.

“Возможно, Шай прав. Но какого черта? Уж хлопотал однажды за этого выскочку-шназа! Пусть намнут ему бока! Ладно, утро вечера мудренее” – размышлял Мики по дороге домой.

Утром Мики вспомнил ночной разговор. И не унял гордыню, и не одолел зависть.

И было утро, и был вечер, день последний.

В станах противостоящих партий составлены речи, приготовлены каверзные вопросы к противнику, выучены импровизированные ответы. Завтра, в праздничный день – вече народное.

Не спокойно на сердце у Райлики. С тех пор, как Нимрод двинулся в гору, стал одними любим и другими ненавидим. Свеча тревоги то тускло, то ярко горит в ее душе. Кто больше всего на свете жаждет покоя, от того непокой не отступает.

– Береги себя, Нимрод. У тебя не только противники, есть и враги.

– Я не боюсь, Райлика!

– И правильно, не бойся! Но береги себя, милый!

– Ты что-нибудь слышала? Что-то или кто-то грозит мне?

– Ничего определенного. Но завтра диспут. Воздух тяжел, как перед грозой. А ты слышал?

– Я – да, то есть, нет... – осекся Нимрод.

Райлика разыскала Итро. В этот день он находился в Ави-ве, в штабе Правой партии.

– Здравствуйте, Итро. Удивлены?

– Здравствуйте, Райлика, я рад вас видеть. Что привело вас сюда?

– Итро, вы не из наших, но я доверяю вам больше, чем братьям. Я боюсь за Нимрода. Ему ничего не грозит?

– Райлика, мы противники, которые блюдут закон.

– Вы не ответили. Нимроду ничего не грозит?

– Нимроду ничего не грозит. Ваш вопрос обиден, но извиняется любовью.

– Ах, Итро! Вы лучший среди ваших! Обещайте мне, что сохраните Нимрода!

– Райлика, вы растрогали меня! Клянусь, волос не упадет с головы вашего мужа! Хотя клятва вовсе ни к чему. В конечном счете, у всех эрцев общая цель, не так ли?

– Я благодарна вам, Итро. Я почти спокойна. До свидания.

– До свидания, Райлика. До встречи на диспуте.

И Райлика, почти спокойная, покинула штаб Правой партии.

Диспут открылся речами. Жребий указал на первого ора-

тора – от Правой партии. Тот произнес свою речь. Гул приветствий и громкие возгласы ликования раздались справа от трибуны. Молчание слева. Вторым говорил делегат Лево́й партии. Это – Нимрод. Райлика старалась держаться возле мужа – так ей спокойнее. В суматохе ее оттеснили, она не заметила, как оказалась вдалеке от трибуны. Слово Нимрода было прекрасно. Аплодисменты слева. Свист, трещотки, хлопушки, проклятия – справа. “В споре, как на войне: слабый шумит, надеясь впечатлить и утрашить” – удовлетворенно думал Нимрод, спускаясь с трибуны.

Вдруг гром тишины разорвал небо. Несколько секунд беззвучия. Потом в воздух взвился нестерпимо пронзительный, истерический крик. За ним другой, третий. Вопли одиночек превратились в рев толпы. Давка, неразбериха, сирены полицейских машин. Тысячи ринулись с площади в рукава улиц. Райлика кинулась навстречу потоку – скорей к трибуне. Мики и Шай – с ней. Прорвались. Пустое пространство. Тело Нимрода распластано на асфальте. Кровь. Сквозь остатки стада продирается черный автомобиль, за зарешеченными окнами – контур человека в наручниках. Истошный, звериный вопль вырвался из горла Райлики. Она рвется к Нимроду, полицейские преграждают дорогу.

Санитарная машина мчит Нимрода и Райлику навстречу страшному приговору. Она лихорадочно целует белый лоб, белые губы, белокурые волосы. Соленый вкус. Это ее слезы на его лице.

– Не умирай, не умирай!

– Любимая Райлика...

– Не умирай!

– Береги Свиток...

– О, Нимрод!

– Он стрелял...

– Кто?

Нимрод замолчал.

– Не умирай!

– Трак-трак...

– Нимрод! Он бредит...

Первый из подбежавших врачей схватил руку раненого, ища пульс, затем приподнял ему веки. Горестно развел руками, молча ушел. У входа в больницу ждали примчавшиеся раньше Мики и Шай. Подъехала еще машина. Вышли двое: Гилад и Итро. Райлика, казалось, не замечала никого.

Райлику увезли домой. Все свои в сборе. Глаза Райлики закрыты. Она с трудом понимает происходящее вокруг. Высшая степень горя уводит за пределы чувств.

Рыдания матери. То ли вздохи, то ли стоны отца. Негромкие реплики Косби, Сары, Гилада, Итро.

– Как горько плачет мама, она любила Нимрода...

– Она любит Теймана... – сказала Косби.

– Теймана?

– Да. Это он стрелял!

Косби наклонилась к Райлике. Вдова обняла вдову.

– Это правда, Косби? Брат убил мужа. Мой брат убил моего мужа. Так может быть, Косби?

Райлика говорила очень тихо, на одной ноте, не вполне сознавая смысл слов. Косби не отвечала, плакала.

К Райлике подошел Итро. “Мне нет прощения. Вотще я клялся. Кто мог предвидеть, что такое между эрцами возможно?” – сказал Итро, и глаза его полны муки.

Райлика молчит, снова в забытии.

Нимрода Ламма, уроженца страны Ашназ, хоронили на горе Скорби – место погребения героев страны Эрцель. Женщины – в черном. Черно от горя белое, как мел, лицо молодой вдовы. Испуганный Гилад и верный Итро держат ее под руки. Сара рядом с матерью. Луиза и Бернар сидят – не зазорно склоняться под властью горя. Рядом с ними Рона Двир и Первый министр. Неподалеку стоят Мики и Шай. За ними – несколько сот провожающих.

Первый министр наклонился к несчастным старикам. “Я сострадаю и соболезную...” – сказал. “Кого и что он имеет в виду, убитого зятя или страшную судьбу сыновей?” – пронеслось в голове у Роны. “Бедный сирота!” – добавил поспешно Первый министр. Потом подошел к Райлике, обнял ее за плечи. “Он был так красив! И душой красив!” – сказал ей. Она уронила голову на грудь.

Принесли намогильный камень. Прочитав выбитые на нем даты, Рона вскинула удивленный взгляд на Первого ми-

нистра. “Он мало, слишком мало жил! Позже объясню”, – ответил тот на немой вопрос, потом добавил: “Это трагедия, когда благородного губят низменные силы”.

Рона с болью взирает на разбитый корабль семьи Фальков. “Нет в мире такого горя, которого не исцелит молодость” – думает она о Райлике. Затем переводит взгляд на Луизу и Бернара. “Тяжело перенести несчастье, стократ тяжелее переносить его все время”.

На похоронах не было ни нового вождя Правой партии, ни жрецов из когорты Шука. Последние отмежевались от Теймана Фалька, как убийцы-одиночки. Один из жрецов хотел было написать в газете своей корпорации, дескать, всякое убийство справедливо, ибо, что ни делается, – то по божьему замыслу. Но внутренняя цензура самосохранения удержала борзое перо.

Тейман Фальк в тюрьме. Не кается. Горд. Он отвергает защитника в суде. Он требует баккару и все святые книги. “Не давать ему древние тексты! Он искал и нашел в них вдохновение!” – возвысила голос газета Роны Двир. Но жрецы восстали, настояли, убедили и победили.

Глава 11 Гилад

Две партии в стране Эрцель, и два мнения о спасении – свое у каждой. Левая партия ищет спасения в мире с соседями, Правая – в изгнании их. “Эти несут всем нам гибель” – говорят обе партии, указуя пальцами друг на друга.

Два брата свершили два деяния. Хеврон убивал чужих,

дабы воцарить войну, Тейман убил лучшего своего, дабы поджечь мир. В стане левых раздались голоса: “Убийство отвращает эрцев. Поскорей, пока гнев народный горяч, учредим выборы, и тогда почти все сто двадцать скрытых праведников в парламенте будут из наших, и назначим своих министров, и придем к цели!” Но благородному нраву Первого министра претит плебейская хитрость. “Победим в равном бою!” – сказал он.

Безнаказанность – величайшее поощрение. Правые, не видя грозного меча воздаяния над головой, быстро оправились от первого страха, лукаво отреклись от убийц, сгруппировали силы и перешли в наступление. И вот уж они затевают демонстрации и митинги, шествия и марши, манифестации и парады, походы и сходы. И новый заокеанский вождь Правой партии неизменно в первом ряду. А во втором ряду – жрецы. “Атакующий всегда прав! Каин прав!” – трактуют они.

Левые, лишившись красноречивого вдохновителя, замешкались, стали терять высоту. Разыгрались сверх меры неизлечимые болезни либерального суемудрия и внутренних переколов. И таял перевес.

Не захотел оставаться в стороне от актуальности доктор и профессор Даркман, создатель баккары на хорфландском языке. Им сочиненная и им же переведенная на эрцит научная статья на злобу дня не была принята в издательствах, и он, неунывающий и кроткий, удовлетворился обсуждением

проблемы с учениками.

– Осознание зла приходит либо путем страдания, либо путем исправления, – сказал один ученик.

– Свет Творца не проникает более в души людей, – сказал другой ученик.

– Они хотели построить город-башню, – сказал третий ученик.

– Эгоизм оказался больше, чем предполагалось, и его пытались исправить насилием, – сказал лучший ученик, Алекс Фрид.

– Произошедшее явилось невиданной доселе катастрофой. Мир следует баккаристическому сценарию. Нам не избежать ответа на вопрос: “А для чего мы пришли в этот мир?” – подвел конкретный итог профессор Даркман.

Трагедия семьи Фальк, членом которой стала Сара, замедлила поправку после тяжелых родов. “Ах, если бы не мама, что бы я делала?” – думала Сара. Ее потрясли позор и триумф свершений Хеврона и Теймана. “Боже, Гилад сидит в той же лодке, и я с ним! Он привел меня к своей вере, мне казалось, я пристала к его берегу. Если слова этих людей так хороши, отчего дела так ужасны? Или я не поняла? Что не поняла? Смысл слов? Смысл дел? Я схожу с ума!”

Мать Сары привыкла в присутствии Гилада не путать имя дочери. Он, хоть и чужой, нравился ей: дочку и внучку любит и теще приветливо улыбается. Но прежнего зятя не забыла,

рада бы потихоньку от всех навестить его, да не знает, как это сделать.

Гилад мало бывает дома. Днем – заботы о доходах, вечером – политика. Дела в Правой партии пошли споро, нельзя терять темп. Да и привычка долгого холостячества раскрепощает.

Горе утвердилось в доме Косби. Оно живет в гостиной и в спальнях, наверху и внизу, прячется в углах, выглядывает из щелей. С горем делят дом вдова, сироты и старики. Луиза и Бернар поселились у Косби, хлопотами о внуках обманывая кручину. Иной раз Бернар гладит Луизу по руке, говоря: “Уж хуже не будет, дотянем как-нибудь...” А та смотрит на него, слезы на глазах. “У нас Гилад и Райлика, материнское сердце болит, боится...” Бернар вспыхнет: “Что ты мелешь! Боже, сохрани от новой беды!”

Бернар зачастил в молельный дом. В минуты откровенности с самими собой признавал, что на успех молитв не особенно-то рассчитывает. Всегда так было, что младший сын больше прочих тревожил его. Нельзя ли облегчить участь Теймана? В тайне от Луизы, в тайне от всех, Бернар составил письмо судье. “Я не прошу оправдать, я не прошу простить, я прошу вас смягчить сердце. Мой романтический мальчик был влюблен. Она была благосклонна и охладела. Все, чего он хотел – вернуть ее приязнь, отчаянным геройством завоевать любовь. Разве сие намерение не важный пункт печального предмета ваших трудов? О снисхождении молю!”

Очень долго колебался Бернар, но решился все же и опустил конверт в почтовый ящик, и железные края его обожгли ему пальцы. К горю прибавился стыд. И рад был, что не дождался ответа, и надеялся, что письмо затерялось.

От внутренних катаклизмов страну Эрцель пытаются беречь полиция явная и тайная. Рядовые солдаты и начальники первой из двух одеты по-военному, чем и заметны среди прочих эрцев, и потому последние называют ее явной. Воинство это наблюдает за порядком и вмешивается в некоторые беспорядки, как то: взимает штрафы с идущих на красный свет беспечных пешеходов и безотказно является на отчаянные призывы граждан, утесняемых ночным шумом соседей, притом что если нарушители тишины не внимают увещаниям, то стражи спокойствия непременно прибывают вновь и вновь. Прочие действия явной полиции покрыты тайной. Однако, упреки тут не уместны, ибо, как говорят ее генералы: “Нашим ресурсам не угнаться за вашими беспорядками”. Другое дело, полиция тайная. Одежда гражданская. Неразличимость в толпе. Задача ее – остерегать и стеречь геров, дабы не покушались на благоденствие эрцев, и приглядывать за эрцами, чтобы не гневил геров на беду себе. Плоды трудов тайной полиции – явные, и о ресурсах разговора нет.

Эти странные мысли, как следствие мыслей иных, бродят в голове Райлики. Кончились у молодой вдовы слезы об убитом муже. Горюет лишь о том, что чрево ее пусто, и жизнь

впереди пуста. “Ничего не осталось мне от возлюбленного супруга. Свиток утратила, и дитя не родится!”

Горько все, лишь месть будет сладка. Вожделение мести сжигает мозг и сердце Райлики. Разве мала причина для мести? Знать, кто виновник несчастья, и не воздать ему? Для чего тогда жить? “Я слышала, их же жрецы говорят, что месть праведна и уничтожает зло, и что она нещепетильна и небрезглива и всегда права”, – говорит себе Райлика.

Нет, не пуста жизнь, когда есть цель. У Райлики их две: отомстить за смерть Нимрода и заполучить обратно Свиток. Достигнет их, и, хоть не возвратит любимого, но вернет утешительные слезы, и памятью о любви доживет свои годы. Так думает молодая вдова.

“Кто виноват в гибели Нимрода? Убийца его – Тейман. Но негодяй в тюрьме, и он недосыгаем. У него взяли свободу, и мне нечего добавить к правосудной каре. Да ведь он лишь орудие чужой воли. Талисманом, оберегом нашему счастью был Свиток. Гилад украл его и сорвал броню, и открыл путь силам зла. Гилад – он виновник, и расправой над ним нектаром орошу сердце!”

“Нимрод говорил, достижению цели предшествует план. Надо подумать. Вот, я вспомнила! Я застала как-то Гилада с Тейманом на пустыре далеко за оградой Бейт Шэма. Старший учил младшего меткой стрельбе. И отец гордился: Гилад отличный стрелок. Другой раз своими ушами слышала, как братья шептались, мол, жрецы говорят, и они правы, что

тому, кто отдает или наущает других отдавать герам землю Эрцель, положена смерть. Правду ложью утяжело. Положим, Хеврон собирался поначалу действовать не один, а с Гиладом вместе. Положим, Хеврон пожалел Гилада, тогда молодожена, и без него отправился убивать и умирать. Его нет в живых, и кто оспорит?”

“Итак, в какую полицию обратиться? Пойду в тайную. Кажется, именно там занимались двумя моими братьями. Поручу им третьего, добавлю работы. Решившийся донести решится и оговорить”.

“О, что я задумала, несчастная? Как низко доносить и клеветать на брата! Ради мести идти на гнусность! У него жена и дочь. Мало горя в нашей семье? Я сделаю это, и мне страдать до конца дней. Да ведь мне и без того страдать до конца дней! Каплю сладости хочу взамен, не отступлюсь от мести! Я сделаю это! Я ненавижу Гилада, подлого вора, и презираю воровской его барыш! И хорфландку его, пособницу в воровстве, кожу сменившую, – тоже ненавижу! Я сделаю это!”

– Соблаговолите унять ваше волнение, госпожа Ламм, – сказал Райлике старший офицер тайной полиции.

– Стакан воды, если можно.

– Прошу вас, госпожа Ламм.

– Благодарю.

Старший офицер выглянул из кабинета, крикнул в коридор: “Позовите ко мне Бренди!”

– Простите, госпожа Ламм, так прозвали у нас младшего офицера.

В кабинет вошел молодой мужчина с бойкими глазами.

– Это мой помощник, – отрекомендовал вошедшего хозяин кабинета.

Райлика поднесла стакан ко рту, коснулась губами воды, согласно кивнула.

– Итак, мы вас внимательно слушаем, госпожа Ламм.

– Заявление, которое я намерена сделать, возможно, покажется вам странным, даже диким, но стремление к справедливости перевешивает гири кровных уз, и я должна быть уверена...

– Вам не о чем беспокоиться, госпожа Ламм. Императив тайны закреплен в названии нашего учреждения, – перебил дрожащую от страха Райлику старший офицер и значительно посмотрел на помощника.

Райлика опустошила стакан, усилием воли уняла дрожь и заготовлено, связно и внятно одним духом изложила то, с чем пришла.

– Надеюсь, вы понимаете щепетильность моего положения, господа, ведь я сестра, и поэтому...

– Абсолютная конфиденциальность гарантирована! – вставил слово младший офицер.

– Благодарим вас, госпожа Ламм, – сказал старший офицер и, встав со стула, пожал Райлике руку.

Райлика вернулась домой. Пустота в душе. Забыть этот

разговор, эти две пары сверлящих глаз! Успокойтесь, успокойтесь! Захотелось выпить чего-нибудь крепкого. Забыть и успокоиться. Она достала рюмку, налила из первой попавшейся бутылки, проглотила. “Ого! Что это? Бренди! Черт возьми! Никак не забыть! Это со мной навсегда!”

Через две недели Райлике позвонила мать. “Скорей приезжай, дочка! Тайная полиция арестовала нашего Гилада. Мой мальчик ни в чем не виновен! Приезжай! – слышались слова вперемешку с рыданиями. “Выезжаю, мама!”

Райлика едет в Бейт Шэм к Косби, у которой живут мать с отцом. Неотступная мысль о невозвратном привычно жжет сердечную рану. “Как устала я от родительских слез! Нет больше духу сострадать. Душа изгоняет горе, что не мое. А Гиладу долго сидеть за решеткой. Это утешает. Я довольна. Уверена, он запятнан – только копни! Приеду в Бейт Шэм, стану думать, как выручить Свиток. Отдам его Первому министру, он распорядится им”.

Весть об аресте Гилада взволновала Итро Окса. “Глядишь, так и до меня очередь дойдет!” – была его первая мысль. Затем вспомнил о Свитке и о клятве. Из четверых, кому было известно место хранения Свитка, он остался один живой и на свободе. Необходимо найти верного человека, которому следует доверить тайну. Итро скоро станет жрецом, влияние его возрастет. Это, а также успехи правых позволят ему запрячь мудрость Свитка в колесницу спасения и

так сократить марафон.

Тем временем Райлика размышляет, как начать поиски. “Итро близкий друг Гилада. Ясно, что он знает, где хранится Свиток. Похоже, Итро человек прямой. Я доверяю ему. Он чувствует мое расположение и, стало быть, должен благоволить мне. Он полагает, что есть и его вина в гибели Нимрода. Он не виновен, но мне на пользу его совесть. Попытаюсь обмануть будущего жреца”.

– Здравствуйте, Итро.

– Здравствуйте, Райлика. Я рад вас видеть, но стыд мешает смотреть вам в глаза. Меня мучает совесть.

– Не мучайте вашу совесть. Вы были бессильны предотвратить убийство.

– Беды не оставляют вашу семью. Теперь Гилад. Честный парень и патриот. Всему виной эта злонамеренная власть.

– Мне кажется, его оклеветали. Надеюсь, дело быстро разъяснится, и он вновь будет с нами, Сарой и дочкой.

– С божьей помощью!

– Аминь!

Райлика с интересом отметила в себе новое качество – лицемерие. “Слишком жестока жизнь, чтоб стыдиться пороков”, – подумала.

– Итро, у меня к вам важное дело, скорее предложение.

– О, только бы я мог быть чем-нибудь полезен вам!

– Я не пропустила мимо ушей слова о злонамеренной власти. Собственно, это касается моего дела. Я чувствую ва-

шу правоту. Трагедия семьи перевернула душу и жизнь. Я прежде примыкала к левым. Теперь поняла, как страшно ошибалась. Я пришла исправить ошибку и за себя, и за покойного Нимрода. Заблуждения стоили ему жизни. Я хочу быть со всеми вами, хочу стать полезной вашему движению.

– Вы делаете крутой и неожиданный поворот, Райлика.

– Я буду с вами откровенна до конца. Не идеи, но чувства направляют меня. Так женщина устроена.

– Верю вам. Убеждения чувств сильнее убеждений ума. Я обдумую ваши слова, Райлика, и мы с радостью примем вас.

– Мне бесконечно дорога память о муже. Есть в мире вещь, которая связывает меня с ним живым и мертвым. Это – Свиток. Нимрод привез его из страны Ашназ преподношением к свадьбе, но я, безумная, не приняла дар. Я знаю, Свиток у вас. Я должна видеть его, держать в руках, читать священные строки. Так дух мой вновь соединится с духом Нимрода. И таков будет мой путь к вам.

– Дорогая Райлика! Желание ваше слишком серьезно, чтобы я мог принять решение в одиночку. Я должен обсудить дело со своими людьми. Искренность ваших намерений подкупает. Я уверен, что в самом скором времени дам вам желанный ответ.

– Я так благодарна вам, Итро!

– А я рад за вас и за перемену в вас.

Райлика и Итро распрощались.

Разговор напомнил Итро, что не медля нужно найти вер-

ного человека и посвятить его в тайну Свитка. Может ли Райлика стать таким человеком? Разумеется, нет. Итро легко распознал ложь. Проницательность всему знает настоящую цену. “Она пришла за Свитком, а доверительные словеса – наивный отвлекающий маневр. Однако, ее верность памяти мужа заслуживает почтения!” – подумал Итро.

Райлика старалась припомнить беседу слово за словом. То ей казалось, что ход ее удался, и она получит доступ к Свитку и вновь завладеет им, то чудилось, что гиладов дружок хитрит с ней. “Наберусь терпения”, – сказала себе.

Глава 12 Сара и Итро

Луиза и Бернар сделались завсегдатаями тюремного ведомства. Поневоле, разумеется. Шутка ли, двух сыновей навещать! Младший, Тейман, не покинет стены тюрьмы никогда. Так постановил судья, и не взял во внимание и не удостоил ответом молящее письмо отца. Время покажет, не одолеет ли жалость вердикт возмездия: жертву не вернуть, а душегуб страдает и терпит.

У среднего сына суд впереди. “Никакой суд не пробудит радость, никакой приговор не усыпит горе”, – размышляет Гилад, страдая. Пока он принужден отвечать на неиссякающие вопросы неумно любопытных и непреклонно бдительных расследователей из тайной полиции. Он обеляет и выгораживает, стараясь побольше сокрыть и поменьше открыть. Увы, не знала Райлика, что вовсе не оговорила брата, но угадала причастность его.

Из родни все, кроме сестры, посещали Гилада. “Не сердись на нее, сын! Горюет бедная девочка. Она так любила Нимрода!” – примиряет Луиза. Но он и не думал сердиться. Не о ней его мысли, Сара предмет тревоги. Она не вполне оправилась после родов, а семейные потрясения добавили недугов. Пока Гилад был на свободе, все допытывалась, в чем оправдание страшным деяниям. Не убеждалась его ответами и искала новые вопросы. Арест мужа совершенно смешал ее мысли. Гилад чувствовал, что дух ее, прежде близкий его духу, ускользает куда-то. Последний визит Сары поверг его в отчаяние.

– Как наша малютка? – спросил Гилад.

– Здорова, слава богу, – рассеянно ответила Сара.

– У ребенка хороший аппетит! – с гордостью за себя и за внучку вставила заготовленную на эрците фразу мать Сары.

– Мы с Сарой бесконечно благодарны вам, – сказал Гилад на хорфландском языке несколько знакомых слов.

– Девочка скучает без папы, – заметила Сара, оживившись.

– Я должен стыдиться, я так мало бывал дома, наверное, крошка меня не помнит.

– Нет, нет! Детское сердечко не забывает!

– Я так хочу ее видеть!

– Скорей поправляйся, мы с мамой и дочкой ждем тебя.

Гилад насторожился.

– Ты ничего не говоришь о своем здоровье, Сара.

– Я в полном порядке. О тебе беспокоюсь. Твой врач сказал, тебя скоро отпустят домой.

Гилад посмотрел на тещу. Та безмятежно улыбалась, блаженно не понимая.

– Береги себя, Алекс! Здесь сквозняки. За окном снег кружит, мороз.

Гилад невольно бросил взгляд в сторону пышущего летним зноем окна. Услышав имя прежнего зятя, мать Сары встрепенулась, недоуменно взглянула на дочь.

– Ты хорошо спала эту ночь, Сара? – с тревогой спросил Гилад.

– Почти не спала. Я мечтала, ты выйдешь из больницы, поедem к морю, мама нас отпустит, – сказала Сара и с благодарностью погладила материнскую руку.

Молчание. Сара продолжила.

– Я начну писать новый роман. Я уже и сюжет набросала. Я посвящу его тебе, Алекс.

Гилад сидел напротив жены удрученный, обездоленный.

– Тебе необходимо отдохнуть, Сара, сказал он сдавленным голосом, глаза опущены.

Поняв, что произошло неладное, мать заторопилась. Женщины попрощались, ушли.

Ужас охватил Гилада.

“Неужели я потерял ее? Неужели это непоправимо? Как коротко было счастье!”

Обхватив голову руками, Гилад расхаживал по тюремной

камере.

“Сара, бедняжка! Она искала ответов, сомневалась. Она была права. Как жестоко обошлась с ней страна Эрцель! Как жестока родина ко мне, к семье моей! Земля наша безжалостно пожирает своих детей, и родных и приемных – без разбору!”

“Спасение. Свиток. Чего хотим, за что воюем? Отступить-ся, не теснить геров, они взамен оставят нас в покое. Тысячелетние борьба, идеи, борьба идей – и не пришло спасение. А не начать ли жить ради любви и мошны? Обогащаться не в ущерб ближнему. Испокон веков золото выручало эрцев.”

“Нет, не добыть спасения одним лишь золотом, хоть оно нам и в помощь. Коли оружие врага – идея, золотом его не подкупишь. Мы, эрцы, это испытали и не забыли. Старые раны болят, и дай бог, чтоб не зажили никогда!”

“Куда меня занесло, однако? Минутная слабость. Примирение с врагом – это усталость от борьбы. Только идеи, и только борьба! Не отступать от божьих заповедей, следовать пути избранничества!”

“Несчастливая Сара! Баккаристические силы мирового зла повредили ей рассудок. Я несчастнее ее. Боже, молю, верни мне жену! Не губи меня, не лишай жену разума!”

Райлика оставила напрасные попытки понимать лекторов и лекции. Выхлопотала годовой отпуск от учебы в университете. Невыносимо тяжелы ей сочувственные взгляды коллег

в редакции газеты. Рона сказала ей: “Если можешь обойтись без жалования – не приходи пока в редакцию. Найдем временную замену. Вернешься – место за тобой”. Райлика последовала совету.

После разговора с Итро она вернулась в Авив. Недели проходят одна за другой, а Итро все не звонит. “Когда, наконец, меня допустят к Свитку? Он не поверил мне? Забыл? Поеду в Бейт Шэм. Попытаюсь вновь”, – думает Райлика.

Ни в чем, казалось, не сходны многодетная жена Итро и не знавшая материнства Райлика. Ни возраст, ни перипетии биографии, ни развитие, ни нрав не сближали этих женщин. И хоть мало выпало им прежде видеться и говорить, но обе чувствовали тягу друг к другу и доверие. Вот почему Райлика, придя к Итро и не застав его, охотно приняла предложение хозяйки, которая ждала мужа, разделить с ней ожидание.

Райлика говорила о горе своем, собеседница спрашивала, вставляла слово-другое, и так совпадало, что когда молодой хотелось плакать, то и у старшей наворачивались на глаза слезы.

- Как много вы пережили, Райлика. Но вы молоды и...
- Мне кажется, у меня впереди пустота.
- Боже сохрани!
- Вам легче жить, вы веруете.
- Мне очень, очень тяжело, милая Райлика.
- Дети?
- Муж.

– Итро?

– Мне страшно, Райлика. Что, если дети мои станут сиротами, как дети Косби, а я останусь вдовой, как вы? Куда идет Итро? Он не смелый, он осторожный, но он запутался. Я боюсь за него.

– Рассказывайте!

– Итро с головой в политике и готовится в жрецы. Он водится с теми, кого слушали Хеврон и Тейман. Я не понимаю их дел, но сердцем чувствую, все наши беды – от тех жрецов.

– Вам что-нибудь известно? – настороженно спросила Райлика.

– Мне кажется, Итро что-то знал.

– Что знал?

– Когда Тейман готовился стрелять в Нимрода...

– Говорите же! – нетерпеливо выпалила Райлика.

– Накануне того дня я зашла в комнату к Итро. С ним был Тейман. Они шептались. Меня не сразу заметили. Напоследок Итро сказал: “Не пренебрегай заклинанием!” Тейман ухмыльнулся: “Напомни”. Итро ему: “Трак-трак! Не забудь, студент, произнести трак-трак!” Не понятно, о чем говорили. Тут они меня увидели, смолкли.

Райлика оцепенела. Мгновенно вспыхнули в памяти последние слова Нимрода.

– Понятно, о чем говорили, – пробормотала Райлика.

– Как вы побледили, Райлика! Выпейте воды.

Райлика сжалась в комок, как громом поражена. “Так вот

кто погубил Нимрода! Итро. Натравитель. Что делать? Надо что-то делать. Видно не все еще свершены злодеяния, что назначено мне свершить!” – лихорадочно думает Райлика.

В эту минуту в гостиную вошел вернувшийся Итро. Он был радостно возбужден: наконец-то после многих хлопот получил от явной полиции долгожданное разрешение водить автомобиль. Он увидел Райлику, по лицу его пробежала тень и исчезла. Хозяйка заторопилась по своим делам, вышла, оставив Райлику на попечение мужа.

– Здравствуйте, Райлика. Я получил разрешение на вождение! – по детски радостно выкрикнул Итро, не замечая, что гостья бледна, как мел.

– Поздравляю, – механически, не глядя на Итро, произнесла Райлика.

– Ваше дело, Райлика, скоро решится.

– Я надеюсь, – прозвучал глухой голос в ответ.

– Мне нужно срочно ехать, – сказал Итро и назвал знакомое Райлике поселение. Я сам не водил машину так далеко за серой линией и не знаю тех мест. Не подскажите ли, как добраться туда?

В армии Райлику часто хвалили за быструю реакцию: офицер еще и вопрос не проговорил до конца, а уж с языка сержанта Райлики Фальк срывается бойкий ответ. И на сей раз уста упредили разумение.

– У вас есть карта, Итро?

– В машине. Я мигом, – сказал Итро и через несколько

секунд вернулся с дорожным атласом.

– Смотрите, Итро: мы находимся здесь. Вам нужно сюда. Вы едете так, так и так. Ясно?

– Вполне. Благодарю вас!

– Не стоит.

Райлика и Итро вышли во двор дома. Играют дети. Здесь же занята по хозяйству жена. Итро уселся в машину.

– До свидания, папа!

– Будь осторожен, Итро. Храни тебя бог.

– Не о чем волноваться. Опытный водитель Райлика наставляла меня в первый самостоятельный путь! – крикнул из окна машины Итро и подмигнул наставнице. Автомобиль не слишком уверенно тронулся с места, потом скрылся за поворотом.

Райлика исподлобья взглянула на ребяташек, на мать их, снедаемую неизбывным страхом за мужа, детей и себя. Холод обжег сердце. “Первый путь его станет последним. В деревне, где великий Хеврон спасал народ, Итро спасется навряд, – подумала Райлика. Тут пронзила новая мысль: “Что сотворила я, бесноватая? Что станет со Свитком!?” По привычке уповала на Итро. Райлика скорым шагом вышла со двора, не имея духу ни говорить, ни смотреть в глаза. Сделанное не станет несделанным, и решение нельзя отменить никогда.

Прессу страны Эрцель и мировую прессу взорвала жут-

кая весть: линч за серой линией! Примерно так писали газеты: “Неопытный водитель, вероятно по ошибке, заехал в закрытую для эрцев зону, место, где было совершено неотомщенное герами и ставшее нарицательным деяние Хеврона Фалька. По номеру автомашины жители живо сообразили, что к ним попала случайная и желанная добыча. Они перекрыли дорогу, окружили автомобиль, выволокли из него на смерть перепуганного водителя. Дикий инстинкт мести возоблада над разумом. Толпа геров принялась избивать эрца. Вид крови туманил рассудок. Били ногами, руками, железными прутьями. Долго издевались над трупом. Некий молодой гер, ликуя, танцевал перед объективами, демонстрируя окровавленные ладони. Прибывшие войска положили предел бесчинству толпы”.

Один факт не стал достоянием прессы. Поняв, что попал в беду, Итро позвонил из машины другу своему, младшему офицеру тайной полиции. “Я вызываю солдат! Тебя спасут! Кто указал тебе этот путь?” – визжал в телефон Брендди. “Райлика Ламм!” – выкрикнул Итро, и связь прервалась.

Глава 13 Райлика

Служебные секреты тайной полиции есть секреты государственные. Солдатам и офицерам сей важной для страны Эрцель службы строго заказано обнаруживать свою осведомленность равно публично и конфиденциально. А уж выдавать тайны заинтересованным фигурам – непростительно и преступно. Но безнаказанность торжествует, и что делать

патриоту, в чье сердце стучатся гнев и отчаяние? И должен ли честный человек хранить доверенную ему тайну, если это порушает его понятие честности?

Бренди, чьим другом был покойный Итро Окс, изобрел служебную причину посетить заключенного в тюрьме Гилада Фалька, одного из своих соратников по борьбе, и уведомил последнего, что виновницей его ареста является Райлика Ламм, донесшая на брата. Она же, то есть госпожа Ламм, погубила Итро, указав ему гибельный путь за серой линией. Мотивы ее поступков не ясны, но не может им быть оправдания.

Гилад внешне стойко принял новый удар судьбы. Сел за стол, взял лист бумаги, исписал его весь, сложил вчетверо. “Постарайся передать это Тейману. Ты – верный друг”, – сказал Гилад, вручая Бренди письмо.

Проникнуть в камеру к заключенному пожизненно – задача сложная для младшего офицера, но горячему сердцу нет преград. Получив от Теймана ответное послание, ангел-гонец вновь предстал перед Гиладом. Эпистолярное совещание братьев Фальк постановило вручить судьбу госпожи Ламм суду жрецов. Бренди покинул тюремное ведомство с поручением передать письменную просьбу вершителям судеб.

Серьезнейшее это дело обсуждал Высший совет жрецов. В неизменном с древности Своде законов вечного народа эрцев нашлась нужная строка, и был вынесен безапелляцион-

ный приговор, имя которому – “Суди и прав”.

Агрессивная активность правых парализовала худосочную кротость левых. Медленно и методично рука судьбы страны Эрцель перекалывала гирю за гирей из левой чаши политических весов в правую. Но линч за серой линией взорвал страну. Рассеялись дым и пыль, и открылась народу драматическая перемена: смущенные и колеблющиеся прикнули к лагерю правых и решительно усилили его. И назначены были новые выборы ста двадцати скрытых праведников, и победила Правая партия, и новый заокеанский вождь ее стал Первым министром.

Каждый в своем стане, ликуют жрецы Ках и Шук. Адепты первого кричат: “Да здравствуют наши привилегии, да не иссякнет родник их питающий!” Ученики второго солидно возвещают: “Победа правых есть успех. Стало быть, она угодна богу!” Первый министр солирует в победном хоре: “В борьбе каждый думает о собственной пользе, но вместе все добывают общее благо”. Парламент бурлит дебатами – то ли начать войну против геров, то ли продолжить теснить их, и как должна выглядеть новая реальность страны Эрцель.

Великой переменой отмечена судьба Теймана. Сильнейшие ходатаи, не Бернару чета, выхлопотали для узника разрешение вступить в брак. Жрецы посвятили жениха и невесту его, ту самую, с жидкой косой, в божественное таинство супружества. И медовый день, который тюремные власти ве-

ликодушно предоставили своему верному постояльцу, подал надежду на рождение наследника героя.

Доблестный Итро успел незадолго до гибели передать Свиток в надежные руки. Древний манускрипт поможет наставить нестойкий народ к тверди спасения. На сей раз эрцы пройдут путь до конца. Семена брошены в почву, зазеленеют зачатки, распустятся цветы добра.

Райлика пришла на пустырь, где когда-то Гилад давал уроки стрельбы Тейману – чтоб тот не промахнулся, чтоб тверда была рука, чтоб убил Нимрода. Мрак, безысходность, обреченность в душе. Ветер треплет волосы. Одна на огромном пустыре, как обездоленный Лир в степи.

Райлика приехала из Авива в Бейт Шэм. Прощаться с родными.

Накануне получила письмо без обратного адреса на конверте. Содержание депеши указывало на авторство – Высший совет жрецов. Послание уведомляло ее, что разобраны и взвешены совершенные госпожой Ламм предательства двух ратоборцев, поборников веры и спасения народа эрцев. За преступления эти вечный Свод законов предписывает приговор “Суди и прав”. Письмо разъясняло букву и дух приговора. Всякий истинный эрц-патриот может и должен судить меченого позорным клеймом. Судить – значит любым средством, не исключая и лишение жизни, остановить творящего мерзость. Свершивший суд – непреложно прав. Гос-

пожа Ламм не должна иметь иллюзий, поскольку преступила черту дважды. Исполнитель приговора, праведный, кем бы он ни был, не ограничится малой мерой, но применит меру последнюю. А пощады ждать лишь от бога.

Райлика приехала прощаться, но родным о письме – ни слова.

Одна на пустыре. Бескрайнее пространство. Нет ни души. Ветер треплет волосы. Одинокостью призывает мстителя, манит его.

“Жизнь моя окончена. Я знаю, меня убьют. Добровольный вершитель найдется. От несправедного суда безбожников его упрячут жрецы. Эти говорят о смерти за идею, но молчат об убийстве за нее”.

“Как хорошо умирать молодой. Ничего не успела забыть. Мне не страшно”.

“Милые мама и папа! Сколько горя вам выпало, и еще впереди”.

“Месяц в стране Ашназ. Стриженные деревья Уухена. Смешной господин Вайс. Красивые платья его дочерей. Великий и зловещий Рондер. Почему не полюбила Нимрода с первого взгляда? Месяц потерян для любви!”

“Земля Эрцель дала нам с Нимродом любовь. Хорошо умирать молодой, не спускаться медленно с вершины”.

“В чем преступление мое? Я предавала. Пусть так. Тейман убил любимого моего и не раскаялся. Я сестра его, я той же крови. Не стану каяться. Не сберегла Свиток – и вот погиб

Нимрод. За это кара моя, и жизнью заплачу”.

“Что останется мне, если не умру? В годовщины Нимрода – статья в газете Роны Двир. Слишком мало, чтобы хотеть жить”.

“Почти стемнело. Чей силуэт там вдали? Кажется, человек с бородой. Приближается. Мешок за спиной. Что в мешке? Топор?”

“Как коротка жизнь! Жутко, страшно!”

Обложка оформлена автором с использованием стандартных средств Word.